

Годъ VII-й.

№ 4-й.
UNIV. OF
CALIFORNIA

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

05
Мбз

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

60944.

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

А П Р Ъ Л Ъ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1898.

1150
1171
1898:4
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	СТР.
1. ФИНИКІЯНКИ. Трагедія Еврипида. Стихотворный переводъ И. Ф. Анненскаго.	1
2. ДѢЛО БАБЕФА. Очеркъ изъ исторіи Франціи. Е. Тарле . .	73
3. МИРАЖЪ. Разказъ. Ек. Нелидовой.	100
4. СИСТЕМА КЛАССИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ГЕРМАНИИ. Ея исторія, современное положеніе (и будущность по новѣйшимъ изслѣдованіямъ германскихъ ученыхъ. Н. Сперанскаго. (Окончаніе)	114
5. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ «ПѢСЕНЬ О ВЕСНѢ». Ив. Бунина.	124
6. ДВА СЧАСТЬЯ. (Романъ въ трехъ частяхъ). (Продолженіе). Часть первая. И. Потапенко.	126
7. ЖЕНЩИНЫ-ВРАЧИ НА ПОПРИЩѢ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ РОССИИ. (Къ двадцатилѣтію ихъ перваго массоваго выпуска). Д-ра мед. Г. М. Герценштейна . .	146
8. ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА. (THE CHRISTIAN). Романъ Холля Кэна. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. (Книга вторая).	166
9. ИСТОРИЧЕСКОЕ И СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ МѢСТО РУССКОЙ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. (Отвѣтъ П. Н. Милюкову). Петра Струве.	188
10. СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПСИХОЛОГІЯ. Академика А. Фаминцына (Продолженіе).	201
11. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ Ж. РИШПЕНА. О. Чюминой.	232
12. ИСТОРИЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. Часть третья. (Продолженіе). Ив. Иванова.	234

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Сезонъ выставокъ.—Выставки иностранныхъ художниковъ—англійская и финляндская.—Русскія выставки: передвижниковъ, общества петербургскихъ художниковъ и академическая.—Семирадскій и Котарбинскій.—Упадокъ передвижниковъ и отжившій характеръ ихъ живописи.—Графъ Л. Н. Толстой объ искусствѣ.—Неправильное освѣщеніе вопроса съ общественной точки зрѣнія.—Искусство безъ красоты.—«Пустыя» слова о наукѣ гр. Толстого.—А. Б.	1
--	---

14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Продовольственное дѣло въ Россіи.—Вѣсти изъ деревни.—Крестьяне въ земствѣ.—Городское населеніе Европейской Россіи.—Летучая бібліотека.—Въ колоніи «толстовцевъ».—Духоборы въ Якутской области.—Шевченко, какъ живописецъ и граверъ.	14
15. За границей. Новое университетское поселеніе.—Англійскіе политическіе клубы.—У Генриха Ибсена.—Банкетъ въ память Вашингтона въ Парижѣ.—Нью-іоркскій король.	28
16. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Revue de Paris».—«Revue des deux Mondes».—«Nineteenth Century».—«Revue des Revues»	36
17. НИЗКІЙ ПРОЦЕНТЪ РОЖДАЕМОСТИ ВЪ СВЯЗИ СЪ ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ДВИЖЕНІЕМЪ ВО ФРАНЦІИ. (Письмо изъ Парижа). П. Б.	42
18. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Музыка и вліяніе ея на человѣка. (Психологическій очеркъ). Врача С. Бродскаго.	53
19. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ. Астрономія: 1) Новая луна. 2) О важности нормальнаго зрѣнія для астрономовъ. Физика и метеорологія: 1) Опыты съ жидкимъ воздухомъ. 2) Суточные колебанія барометра. Біологія: 1) Къ вопросу о движеніи діатомовыхъ водорослей. 2) Роль энзимовъ въ жизни растений. 3) Новое каучуковое и новое хлопчато-бумажное растеніе. 4) Вліяніе цвѣтныхъ лучей на амѣбу. 5) О паразитахъ и сожителяхъ муравьевъ. Географія и научныя экспедиціи: 1) Новѣйшія изслѣдованія материковъ Азіи, Австраліи и Америки. 2) Огонь изъ подо льда. Техника и изобрѣтенія: 1) Успѣхи авионавтики. 2) Искусственный шелкъ. В. Агафонова	63
20. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. (Отвѣтъ проф. Н. А. Карышеву). М. Туганъ-Барановскаго.	77
21. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя сочиненія. Беллетристика.—Публицистика.—Исторія литературы и искусствъ.—Политическая экономія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.	83
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	106

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. ОВОДЪ (Gadfly). Романъ изъ итальянской жизни 30-хъ годовъ. М-съ Е. Войничъ. Переводъ съ англійскаго З. Венгеровой.	73
24. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА. Гутчисона Маколея Познетта. (Окончаніе). Переводъ съ англійскаго Э. Пименовой.	67

Ф И Н И К І Я Н К И .

ТРАГЕДІЯ ЕВРИПИДА.

Стихотворный переводъ съ греческаго И. Ф. Анненскаго.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

«Финикіянки» Еврипида принадлежали къ числу самыхъ популяр-ныхъ драмъ античнаго міра: это выразилось очень своеобразно въ на-падкахъ комиковъ и въ томъ, что текстъ трагедіи изобилуетъ позд-нѣйшими вставками отъ усердія почитателей. Сто лѣтъ тому назадъ, эта-же пьеса увлекала Шиллера, и онъ перевелъ изъ нея нѣсколько сценъ.

Еврипидъ написалъ и поставилъ «Финикіянокъ» на сцену между 410 и 408 г. античной эры, т. е. семидесятилѣтнимъ старикомъ. За-главіе свое трагедія получила отъ выведеннаго въ ней на сцену хора семитическихъ женщинъ, одного изъ причудливыхъ новшествъ Еври-пида въ сферѣ развитія мѣта.

Въ основѣ пьесы лежитъ легенда о невольномъ преступникѣ Эдипѣ (см. ниже прологъ) и наказаніи его рода,—легенда, рассказанная еще авторомъ Одиссеи (XI, 271 sqq.) и вдохновлявшая не разъ Эсхила и Софокла.

Еврипидъ имѣлъ передъ собою, въ видѣ образца, трагедію Эсхила «Семеро противъ Фивъ», но «Финикіянки» все же остаются самостоя-тельной и своеобразной обработкой мѣта на психологической почвѣ.

Въ центрѣ стоитъ Иокаста, уже старуха. Когда обнаружилось ужас-ное преступленіе ея и Эдипово, она не лишила себя жизни, какъ дѣ-лаетъ это жена Эдипа у Софокла въ его «Царѣ Эдипѣ»: у Еврипида люди—болѣе цѣпкія и болѣе живучія созданія. Иокаста осталась жить, чтобы оберегать своего слѣплого мужа-сына и растить дѣтей-внуковъ. Но она сдѣлала это на горе себѣ. Этеоклъ и Полиникъ, возмужавъ, пер-выми дѣломъ запрятали отца подальше отъ глазъ и толковъ, а отецъ за это ихъ проклялъ. Проклятіе дало слѣдъ въ жизни, и въ этомъ за-ключается сюжетъ трагедіи. Если у Эсхила на первомъ планѣ стоитъ мотивъ политической, а Полиникъ, который изъ личной мести ведетъ аргосцевъ грабить и жечь родныя стѣны, для него только дерзкій из-мѣнникъ, то Еврипидъ, современникъ Алкивіада, посмотрѣлъ на дѣло глубже. Въ Этеоклѣ и Полиникѣ онъ изобразилъ намъ двѣ сложныхъ человѣческихъ природы, а въ своеобразномъ слетеніи частной, семей-ной трагедіи съ общественной, лишній разъ провелъ свою любимую

мысль, что на войнѣ не бываетъ счастливыхъ и торжествующихъ по праву: видѣ блестящей Фиванской побѣды заграждается отъ насъ грудой несчастій, ее купящихъ.

Своеобразною является у Еврипида и Антигона: въ короткій, но насыщенный ужасомъ и страданіемъ промежутокъ трагедіи (день), между ея прологомъ и исходомъ, дочь Эдипа изъ наивной «теремной за-ключеницы» вырастаетъ передъ нами въ настоящую трагическую героиню: мы чувствуемъ, что никакіе указы не запретятъ ей похоронить поруганнаго брата, что она не побойтся раздѣлить съ отцомъ нищету и изгнаніе, что она способна, если ее насильно выдадутъ замужъ, убить мужа (см. ниже сравненіе себя съ Данаидой).

Появленіе Эдипа въ «Исходѣ» превосходно оттѣняетъ пылкое, молодое отчаяніе Антигоны и даетъ автору хорошее драматургическое средство къ разрѣшенію трагическаго паэоса, доведеннаго до степени безумія.

Еврипиду же принадлежитъ введеніе въ драму эпизода добровольной героической смерти Менекея. (Параллели ему находимъ въ Макаріи и Алькестидѣ). Внимательное чтеніе убѣдитъ насъ, что этотъ эпизодъ очень искусно введенъ въ обиходъ драмы: потеря любимаго сына даетъ первымъ распоряженіямъ Креонта-замѣстника характеръ особой жесткости.

Переводъ трагедіи сдѣланъ съ греческаго, причемъ я почти постоянно слѣдовалъ тексту въ изданіи Веклейна (1894), но имѣлъ передъ собою также изданія Наука³, Кивкея (1871) и Клотца (1881) и программы Карла Мюллера (1881) и Гебауера (1888).

Размѣры діалога (ямбъ и трохей), конечно, соблюдены, но въ лирическихъ партіяхъ я могъ удержать только анапесты (слабое подобіе греческихъ—темпъ марша); дохми не имѣютъ въ нашемъ языкѣ и стихъ соответствій—пришлось ихъ замѣнять русскими размѣрами.

Стихи, явно интерполированные въ текстѣ, мною опускались; таковы: ст. 432—434, 558, 573, 912, 946 и т. д.

Чуждаясь дословной передачи, столь отличной отъ истинной точности, я старался однако не упустить въ моемъ переводѣ ни одного изъ оттѣнковъ, мною понятыхъ и замѣченныхъ, но болѣе всего, конечно, искалъ сберечь хотя бы слабое отраженіе поэтической индивидуальности Еврипида, какъ я себя ее представляю, хоть тѣнь этой своеобразной, единственной въ своемъ родѣ амальгамы изъ цѣпкой софистики и жгучаго паэоса *).

И. А.

*) «Финикійки» появляются первый разъ на русскомъ языкѣ, насколько извѣстно редакціи, что, между прочимъ, въ связи съ желаніемъ—познакомить читателей съ греческой трагедіей—и побудило редакцію дать мѣсто этому превосходному произведенію классической поэзіи.
Ред.

Лица, въ порядкѣ ихъ появленія на сцену.

- I. Иокаста I *).
- III. Старый рабъ III.
- II. Антигона II.
- Хоръ.
- II. Полиникъ II.
- III. Этеоклъ II.
- II. Креонтъ II.
- I. Тиресій I. При немъ дочь Манто.
- III. Менекей II.
- III. Вѣстникъ III.
- III. Другой вѣстникъ I.
- I. Эдипъ I.

Дѣйствіе происходитъ въ Кадмеѣ передъ дворцомъ Лабдакидовъ. Дворецъ имѣетъ на крышѣ родъ балкона. Передъ дворцомъ находится алтарь Аполлона—тенія улицъ (ἄγυιες). У Иокасты черныя пеплосъ и обрѣзанные сѣдые волосы. Она опирается на посохъ, который бросаетъ при видѣ сына. Тиресій носитъ обычную сѣтчатую одожду предсказателей и на головѣ золотой вѣнокъ. У Антигоны фата и шафранный пеплосъ. Хоръ состоитъ изъ 15 молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ семитическаго типа.

ПРОЛОГЪ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Изъ воротъ дворца выходитъ Иокаста. Закатъ солнца.

Иокаста.

О Геліосъ, среди небесныхъ звѣздъ
Просѣвшій путь для кобылицъ летучихъ
И золотомъ горящей колесницы!
Печальные, недобрые лучи
Агенориду Кадму послалъ ты
Въ тотъ день, когда на эту землю онъ
Вступилъ, брега покинувъ Финикіи...
Киприды дочь Гармонію поялъ,

*) Римскія цифры показываютъ распредѣленіе ролей между тремя актерами.

Здѣсь въ жены онъ и сына Полидора
 Онъ съ ней родилъ. Былъ внукомъ ихъ Лабдакъ-
 И правнукомъ покойный мужъ мой Лайъ,
 Мнѣ жъ былъ отцемъ могучій Менекей,
 И мать одна носила насъ съ Креонтомъ.
 Юбастою отецъ меня нарекъ
 И Лабдакиду въ жены отдалъ Лайю...
 Сначала былъ бесплоденъ нашъ союзъ, —
 Но вотъ молить о сынѣ Аполлона
 Въ дельфійскій храмъ отправился мой мужъ, —
 И такъ вѣщаль оракуль: „Царь Фиванскій,
 „Наперекоръ богамъ, ты не желай
 „Женѣ дѣтей, — родивши съ нею сына,
 „Убийцу, Лай, родишь ты своего —
 „И весь за нимъ твой царскій родъ погибнетъ“..
 Увы! зажженъ виномъ, въ веселый часъ,
 Забылся мужъ...
 Родился сынъ. И вотъ, богамъ послушный,
 Рабамъ его велитъ снести отецъ
 На дальніе утесы Киверона,
 Въ тѣ Герою почтѣнные луга...
 Табунщики тамъ отыскали сына,
 И, во дворецъ Полибовъ отнесень,
 Царицею былъ принятъ мой ребенокъ...
 Она, къ груди ребенка приложивъ,
 Державнаго супруга убѣдила,
 Что этотъ, мной рожденный въ мукахъ сынъ
 Произшелъ на свѣтъ отъ ихъ союза.

Но годы шли. Ужъ золотой пушокъ
 Вдоль щекъ пошелъ Эдиповыхъ, и мужемъ
 Онъ сдѣлался. Тутъ, догадался ль самъ,
 Иль отъ людей провѣдалъ, что приемышъ,
 Но только вдругъ онъ въ Дельфы заспѣшилъ:
 Пусть богъ отца и мать ему откроетъ...
 Въ тѣ злые дни и мой покойный Лай
 Къ оракулу поѣхалъ: захотѣлось
 Царю узнать отъ Феба, живъ ли сынъ,
 Имъ брошенный. Отецъ и сынъ столкнулись
 Въ Фокидѣ, на распутіи, — и сыну
 Надменный такъ возница закричалъ:
 „Посторонись прохожій! дай дорогу —
 „Царю проѣхать негдѣ“ Но Эдипъ
 По прежнему шелъ гордо и ни слова
 Не отвѣчалъ возницѣ... Тотъ коней

Не сталъ удерживать. И кровью обливаешь
Идущему ступни желѣзный шагъ.

«О... повторять ли мнѣ, что было дальше?..

Припоминать, какъ сынъ убилъ отца,

Какъ, завладѣвъ запряжкой, Полибу

Ее отвезъ, кормильцу своему?..

Настали слѣдомъ тяжкія невзгоды:

Богъ вѣсть отколъ на Фивы налетѣвъ,

Коварная душила гражданъ дѣва...

Вдовою я была, и братъ Креонтъ

Въ награду ложе царское назначилъ

Отгадчику мудреныхъ дѣвскихъ словъ...

Ихъ отгадать... увы, пришлось Эдипу...

И вотъ, пріявъ Фиванскій тронъ и власть,

На матери женился сынъ несчастный;

Не зная самъ, съ незнающей дѣлилъ

Онъ ложе брачное. Да, отъ Эдипа я

Двухъ сыновей имѣю—Этеокла

И Полиника славнаго и двухъ

Я дочерей съ нимъ прижила—меньшую

Исменою нарекъ ея отецъ,

А старшую зову я Антигоной.

Когда въ женѣ своей Эдипъ узналъ

Родную мать, онъ, ужасомъ сознанья

И муками истерзанный, казнилъ

Свои глаза, и золотыя пряжки

Вмигъ кровью глазъ потухшихъ облились...

А сыновья, едва ихъ подбородки

Пухъ юности заносчивой покрылъ,

Отца въ затворъ отправили,—*завенемъ*

Они бѣду надѣялись покрыть...

«(Кто оправдать бы могъ вину Эдипа?)

Онъ живъ еще и здѣсь. И хоть судьба

Виною его несчастій, а не дѣти,

На сыновей изъ нечестивыхъ устъ

Онъ изрыгнулъ ужасныя провлятя.

Онъ пожелалъ, чтобъ остріе меча

Межъ ними домъ отцовскій подѣлило...

И сыновья, его страшася словъ,

Разстаться порѣшили полюбовно...

На вольное изгнанье Полиникъ

Себя не медля осудилъ, какъ младшій:

„Пусть,—онъ сказалъ,—мой старшій первый годъ

„Надъ Фивами царить“ А тотъ, кормило

Въ рукахъ почувствовавъ, не захотѣлъ
 Въ урочный часъ разстаться съ царскимъ трономъ.
 И черезъ годъ насиліемъ прогналъ
 Соперника и брата. Полинникъ
 Отправился въ Микены, отъ Адраста
 Царевну дочь тамъ въ жены получилъ,
 И вотъ, собравъ аргосскія дружины,
 Онъ здѣсь теперь, у этихъ старыхъ стѣнъ,
 И требуетъ Ойванскаго престола.
 Межъ сыновей неистовый раздоръ
 Я прекратить должна и настояла,
 Чтобъ раньше, чѣмъ на бой сходятся имъ,
 Здѣсь Полинникъ былъ принять. Мой посоль
 Вернулся, а царевичъ будетъ слѣдомъ...
 Тебя молю, живущій въ небесахъ
 За волнами лазурнаго сіянья,
 Спаси насъ, Зевсъ, и помири дѣтей!
 О, мудрый богъ, всю жизнь однихъ и тѣхъ же
 Ты иго бѣды носить не осуждай...
 (*Уходитъ во дворецъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Старый рабъ на вышкѣ дворца. Потомъ Антигона.

Старикъ (*глядя внизъ, на выходъ
 изъ внутренней дворцовой
 лѣстницы*).

О, слава дома отчаго и гордость,
 Царевна Антигона! въ терему
 Дѣвицѣ скучно, видно: упростила
 Царицу мать, чтобы тебя она
 Пустила на Аргосцевъ подивиться...

Но погоди, дай кинуть взоръ окрестъ:
 Изъ гражданъ кто не смотритъ ли на крышу...
 Сейчасъ раба сѣдого упрекнуть,
 Да и тебя, царевну молодую...

Все, госпожа, тебѣ я передамъ,
 Что мнѣ узнать пришлось да увидѣть,
 Пока во вражій лагерь я ходилъ
 И несъ сюда, обратно, клятвы мира...

(*Смотритъ по сторонамъ*).

Нѣтъ... никого... Спокойно можешь ты
 По лѣстницѣ кедровой и старинной

На нашъ дворець подняться, Антигона...
 Чтò войска-то аргоссваго сошлось!..
 Куда ни глянешь: въ поле-ль, на побережье-ль
 Исмена свѣтлаго или Дирцей нашей...

Антигона (*ея еще не видно*).

Протяни мнѣ старую руку,
 Помоги мнѣ, старивъ, подняться...
 Круты мнѣ, молодой, ступени.

Старикъ.

Держись, дитя! ты подоспѣла кстати...
(Поднимаетъ Антигону).

Смотри: движеніе каѳое началось,
 Въ какомъ порядкѣ строятся аргосцы...

Антигона (*оглядывается, потомъ нѣ-
 сколько секундъ молча смо-
 тритъ вдаль, затѣмъ вспле-
 скиваетъ руками*).

О, богиня! О, дочь Латоны!
 О, святая Геката!
 Сколько мѣди тамъ ярко блестящей:
 Словно молніи въ полѣ блещутъ.
(Закрываетъ лицо руками).

Старикъ (*любаясь на лагерь и улы-
 баясь*).

Да, Полиниѣ пришелъ не какъ-нибудь!
 Чтò колесницъ! Чтò воиновъ! А вѣней?

Антигона (*оборачивается и прижм-
 маясь къ старику, схваты-
 тываетъ его за руку*).

На вордтахъ засовы-то мѣдные,
 Они крѣпко-ли, старый, задвинуты?
 Ворота-то въ стѣнахъ Амфіоновыхъ,
 Въ бѣлокаменныхъ стѣнахъ не ходятъ-ли?

Старикъ (*успокоительно гладитъ ея
 руку*).

Не бойся: стѣнъ Оиванскихъ не возьмутъ.
 Но развѣ ты не хочешь подивиться
 На воиновъ, дитя мое, царевна?

Антигона (*снова оборачивается из лагеря, потомъ съ жм-востью*).

Ахъ! кто это, кто?
 Съ бѣлымъ султаномъ,
 Передъ дружинами?
 Видишь, старикъ?
 Щитъ на рукѣ его
 Такъ и горитъ луной,
 Такъ вотъ и ходитъ весь...

Старикъ.

Начальникъ, госпожа

Антигона.

Откуда родомъ?

Какъ именемъ зовется, все скажи.

Старикъ.

Мивенецъ онъ, моя царевна, въ Лернѣ
 Его дворецъ: онъ—царь Гиппомедонтъ.

Антигона.

Боги мои! грозный какой:
 Ужасъ возьметъ, какъ поглядишь!
 Людямъ не сроденъ онъ:
 Онъ на гиганта,
 Сына Земли, похожъ.
 Точно Стеропъ
 Съ вазы расписанной... Ну, а другой?
 Видишь: Дирцею переѣзжаетъ онъ:
 Странно одѣтъ онъ такъ, вооружень?
 Кто онъ, старикъ?

Старикъ.

Это Тидей.

Онъ по отцу Ойнеевичъ, а панцырь
 На немъ надѣтъ, царевна, этолійскій

Антигона.

Такъ вотъ это кто?!
 Они съ Полиникомъ
 Женаты на сестрахъ родныхъ...
 О, боги... какой же онъ странный!..
 Ты варвара подмѣсь сейчасъ отличишь
 Въ обличьѣ его и dospѣхахъ...

Старикъ.

Щиты у всѣхъ такіе этолійцевъ,
И всѣ они—чудесныя стрѣлки...

Антигона.

А возлѣ гроба Дзетова... Ты видишь?
Вонъ, въ лобонахъ и такъ сердито смотреть,
По виду юноша,—а между тѣмъ за нимъ,
Какъ за начальникомъ, идетъ толпа густая
Во всеоружіи.

Старикъ.

Партенопей—

Его зовутъ, рожденный Аталантой...

Антигона.

Онъ сынъ Аталанты—
Но пусть о подругѣ забывъ и спутницѣ вѣрной
Веселыхъ охоть,
О, пусть Артемида его
За этотъ набѣгъ покараетъ
И легкой стрѣлою смиритъ!

Старикъ.

Все такъ, дитя. Но привела ихъ правда.
Не просмотришь бы этого богамъ.

Пауза.

Антигона (*быстро бѣгая взоромъ по лагерю*)

Но гдѣ-жъ онъ, скажи мнѣ?
Гдѣ братъ Полиникъ мой, съ которымъ
Одна насъ, старикъ,
Несчастливая мать породила?
Очамъ моимъ жаднымъ скорѣй
Открой моего Полиника!

Старикъ.

Да вотъ, царица, около могилы
Семи убитыхъ Ніобидъ, съ Адрастомъ
Онъ говорить. Ты видишь ли?

Антигона (*всматривается*).

Едва...

Я различить могу лишь очертанья
Его фигуры. Блѣдный очеркъ груди...
(*Всматривается, потомъ съ загорѣвшимися глазами*).

О, если бы, какъ облако, могла я
 По воздуху къ изгнаннику примчаться
 И, шею милую руками обвивая,
 Къ его груди побинудой прижаться
 (*береть старика за руку*)

Скажи, старикъ! Не правда ль, онъ прекрасенъ,
 Въ своихъ доспѣхахъ яркихъ, какъ лучи
 Румянаго, проснувагося солнца?

Старикъ.

Тебѣ на радость, госпожа, придетъ
 Сюда твой Полиникъ сегодня...

Антигона.

Этотъ

Скажи мнѣ, кто? вотъ видишь, взялъ онъ возжи...
 Запряжка бѣлая... Ты видишь?

Старикъ.

Это жрецъ, —

Амфіарэй-гадатель — неразлучна
 Съ нимъ жертвы кровь — отрада почвы жадной

Антигона (*всплескиваетъ руками*).

Дочь Латоны Свѣтло-опоясанной,
 Артемида моя Златолунная!

О, какъ онъ легко и красиво
 Коней своихъ бѣшеныхъ править,
 И колеть, и дразнить спокойно!..

А гдѣ же, скажи мнѣ, надменный
 Гдѣ царь Капаней,
 Съ его угрозою дерзкой?

Старикъ.

Да вотъ онъ: стѣны мѣрять вверхъ да внизъ,
 Гдѣ-бъ лѣстницу приставить выбираетъ.

Антигона.

Боги безсмертные,
 Дѣва отмщенія,
 Громы Зевесовы тяжкіе,
 Молній его
 Пламя палящее!
 Я заклинаю васъ:

Гордость безмѣрную
 Вы успокоите...

Онъ обѣщался копьемъ
 Плѣнницъ Ѡиванскихъ добыть:
 Лернѣ, Микенамъ своимъ
 Вдоволь рабынь насулилъ.

О, Артемида, ты златокудрое чадо Зевесово,
 О, не давай меня на поруганіе, въ рабство постылое!

Старикъ (*касаясь ея плеча*).

Ужъ время, дочь моя, сойди опять
 Подъ отчій кровь и въ свой дѣвичій теремъ
 За ткацкій станъ безропотно вернись:
 Ты въ сердцѣ жаръ желаній утолила,
 Все видѣла, царевна... А теперь
 Передъ дворцомъ толпятся наши гости...
 Не попадай къ подругамъ на языкъ.
 Вѣдь женщины всегда прибавить рады;
 И ихъ уста злорѣчія полны,
 Когда онѣ одна другую судятъ.

(*Уходятъ по внутренней лѣстницѣ: рабъ впереди и снимаетъ
 Антигону съ крыши*).

Между тѣмъ передъ дворцомъ показывается хоръ молодыхъ дѣвушекъ въ пестрыхъ одеждахъ. Большая часть черноволосыхъ, съ матовымъ оваломъ лица. Корифей-дѣвушка высокаго роста и мужескаго типа.

Пародъ (*вступительная пѣснь хора*).

Пѣніе сопровождается медленными мимическими движеніями.

Хоръ.

Строфа I.

Тирійскія волны простите на вѣкъ!
 Прости, мой островъ родимый!
 Не долго на волѣ сіяла краса,—
 И горькой я стала рабыней.
 И на склоны вѣнчаные снѣгомъ,
 Къ Парнасу иду я печально,
 Въ чертогъ Аполлона влекома...
 Мнѣ звучало
 Музыкой сладкой
 Въ парусахъ
 Дыханье зефира,
 Когда іонійскія волны
 Тирійская ель разсѣкала,
 И мимо меня пробѣгали
 Сициліи влажныя нивы.

Антистрофа I.

Такъ боги велѣли, чтобъ въ Тирѣ моемъ
 Для Феба я расцвѣтала,
 Но сердцу мой жребій почетный не миль.
 Увы мнѣ! Подъ стѣнами Кадма,
 У потомковъ царя Агенора,
 Тирійскаго царскаго рода,
 Я только рабыня, подруги.
 Я теперь—
 Золотая статуя
 Я — красивый
 Даръ Аполлону,—
 И ждуть
 Кастальскія воды
 Омьтъ волной благодатной
 У Фебовой дѣвы-рабыни
 Ея шелковистыя косы.

Эподъ.

О, блестящія скалы Парнаса,
 И ты, о свѣтлая высь его двуглавою вершицы,
 Гдѣ факелы пляски священной
 Царя Діониса мелькають!
 О, вѣчно цвѣтущая лоза,
 Точащая сокъ виноградный
 Въ безсмѣнно-обильныя кисти!
 Дракона божественный гротъ,
 И ты, ущелие Феба,
 И вы, священные склоны,
 Вѣнчаные снѣгомъ!..
 Примите меня, рабыню,
 Когда я Дирцею повину,
 И пусть,
 Вплетясь въ хороводы
 Свѣтлой
 Дѣвы богини,
 Я предъ жерломъ священнымъ
 Блѣднаго страха не знаю.

Строфа II.

Кровавый сигналъ пылаеть!
 И бурю, и смерть
 Ужъ сѣтъ Арей
 На нивы Кадмеи,

Но вы, о другіе, отъ Эивъ
 Губительный бой удалите!..
 Мы горе друзей
 И бѣды свои
 Не знаемъ дѣлать...
 И стоны съ башенъ Эиванскихъ
 Слезой въ Финикіи прольются,
 Не даромъ и кровь, и дѣти,
 Одни что въ Кадмеѣ, что въ Тирѣ,
 И корень не даромъ одинъ—рогатая Іо!
 Мнѣ такъ васъ жаль, Лабдакиды! *)

Антистрофа II.

Ужъ въ воздухъ кровью запахло,
 И тучей густой
 Повисли щиты
 Близъ башенъ Эиванскихъ...
 Но въ лязгѣ мечей боевыхъ
 Поймутъ ли, скажи, Лабдакиды,
 Что братская ихъ
 Эринній рукой
 Вражда зажжена?..
 Боюсь тебя для Кадмеи,
 Аргосцевъ страшное войско,
 Но больше страшить мнѣ сердце,
 Что боги стоятъ за Аргосъ,

*) Предокъ Эдипа Агеноръ происходилъ изъ Финикіи и принадлежалъ къ тому же царскому роду, къ которому и Тирскій царь, современникъ Эдипа и Этеокла: на этомъ основанъ тотъ живой интересъ, который проявляютъ Финикіянки изъ Тира, составляющія хоръ, къ семьѣ Эдипа и къ эиванской неурядицѣ.

По преданію Кадмъ, прапрадѣдъ Эдипа, пришелъ изъ Тира (въ Финикіи) въ страну авонійцевъ (древнихъ обитателей Беотіи) слѣдующимъ образомъ: онъ былъ у дельфійскаго оракула, и богъ приказалъ ему идти по слѣдамъ указанной ему телицы и гдѣ она ляжетъ отдыхать, на томъ мѣстѣ построить городъ. Она остановилась тамъ, гдѣ онъ впоследствии основалъ Эивы, а чтобъ напоить ее, Кадмъ послалъ одного изъ своихъ спутниковъ за водой; но оказалось, что вода въ ближайшемъ источникѣ Арея охраняется чудовищнымъ Змѣемъ (дракономъ). Кадмъ долженъ былъ убить его на поединкѣ, а изъ посѣянныхъ зубовъ убитаго дракона вышли вооруженные, въ мѣдъ закованные люди (гиганты), которые тотчасъ же вступили въ ожесточенный бой другъ съ другомъ и погибли почти всѣ: уцѣлвшіе стали по преданію предками аристократіи того города, который былъ построенъ Кадмомъ на мѣстѣ отдохновенія телицы: однимъ изъ потомковъ гигантовъ былъ и Менекей, отецъ жены и матери Эдипа Мегары.

Корнемъ Эдипова рода считалась Іо, одна изъ симпатій Зевса, которую преданіе изображаетъ въ видѣ коровы и отдаетъ подъ охрану стоглазого Аргуса. У Іо былъ сынъ Эпафъ, отъ него произошла Ливія, а отъ Ливіи Агеноръ отецъ Кадма.

Соименныя богини—Деметра и Кора, мать и дочь, покровительницы Эивъ. Кадмъ женился на Гармоніи дочери Арея. Свадьба была очень парадная—всѣ боги тамъ пировали, а стѣны Эивъ поднимались сами собой во время пира, подъ музыку Амфионовой арфы и лиры.

Что мечъ Полинику царю въ походѣ на Фивы
Точила вѣчная правда.

Во время послѣдней части хоровой пѣсни набѣгаетъ мракъ. Въ небѣ со стороны Аргосскаго лагеря поднимается розовое зарево костровъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Входитъ Полиникъ. Онъ идетъ крадучись, озираясь, и въ рукѣ у него длин-
ный мечъ...

Полиникъ (*издали*).

Тамъ въ воротѣхъ тяжелые засовы
Раздвинулись, и стража такъ свободно
Меня впустила въ городъ. Но тревоги
Я побороть не въ силахъ... Нѣтъ ли тутъ
Сѣтей какихъ—захватятъ и изранятъ...
Пусть зоркій взглядъ обходить не спѣша
Мѣста окрестныя... Ужель коварство
Тутъ кроется?..

(*Обнажаетъ мечъ*).

О, этотъ острый мечъ
Мнѣ бодрости прибавить... Тише, тише...

(*Остановливается*).

Какой-то шумъ! Постойте! Кто тамъ ходитъ?
Нѣтъ, кажется, почудилось... Пока
Опасность есть, и призракъ насъ пугаетъ...
Среди враговъ особенно, и мать,
Хотя меня придти уговорила,
Разубѣдить, конечно, не могла...

(*Оборачивается и видитъ алтарь*).

А вотъ она—защита—нашъ алтарь:
У алтаря очагъ дымится... Только
Передъ дворцомъ какія-то фигуры...

(*Шепотомъ и протяжная впередъ мечъ*).

На всякій случай мечъ передъ собой
Я протяну во мракъ.

(*Быстро прячетъ мечъ*).

Это жены...

Спросить ихъ, кто онѣ?

(*Обращаясь къ хору*).

О, чужеземки!

Гдѣ ваша родина, и въ этотъ царскій домъ,
Въ Элладу какъ попали вы, скажите?

Корифей.

Въ Финікіи я родилась, и въ Тирѣ
 Я разцвѣла. Тирійскіе цари
 Рабынею меня послали къ Фебу,
 За то, что богъ побѣдой ихъ вѣнчалъ...
 А здѣсь, когда свѣтлѣйшій собирался
 Направить даръ въ Фокиду, къ очагу
 Преславнаго дельфійскаго владыки,
 Ограду Фивъ Аргосецъ осадилъ...
 Но ты, скажи, откуда ты, пришелецъ?..

Полиникъ.

Сынъ Лаія, о жены, зародилъ,
 И дочь меня носила Менекея,
 По имени Иокаста, а зовутъ
 Меня мои еиванцы Полиникомъ.

Корифей.

Ты—нашъ! одна въ Агеноридахъ кровь.
 Она съ царями Тира дорогого
 Тебя роднить, державный Полиникъ...
 Выходитъ луна, и дѣлается свѣтло какъ днемъ.
 (*Бросаясь къ ногамъ Полиника*).

Свой я законъ храню:
 Къ свѣтлымъ стопамъ твоимъ
 Я припадаю, царь.

(*Потомъ обращается къ дворцу*).

Іо! Іо!

О, госпожа, иди скорѣй и настезь
 Дверь распахни для сына! неужели
 Не чуетъ сердце матери? Что медлишь
 Покинуть сѣнь чертога и обнять
 Свое дитя дрожащими руками?

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Иокаста, идетъ опираясь на посохъ, въ черной одеждѣ и просто-волосая.

Иокаста.

На вашъ призывъ, о гости Финікіи,
 Спѣшила я, и посохомъ дрожащій
 Прямился мой, давно невѣрный шагъ...

(*Видитъ Полиника, дѣлаетъ шагъ къ нему и, бросивъ посохъ, протыгиваетъ передъ собою объ руки*).

Мое дитя любимое!

(Полиникъ подходитъ къ ней; она беретъ его за плечи и нѣсколько секундъ всматривается въ его лицо).

О, сколько дней, о, сколько долгихъ дней
Я свѣтомъ глазъ твоихъ не любовалась!

(Открываетъ на груди пеплосъ).

Обними, Полиникъ, ты кормилицу—грудь
И, щекою къ лицу прижимаясь,
Темносиней волною волосъ
Шею матери нѣжно обвѣй.

Ты—со мной... Я такъ долго ждала,
Я стгорала тоской и надеждой...
И гляжу на тебя и не вѣрю,
Что со мной ты опять, дитя,
Всѣ слова свои мать растеряла
За томленіе долгой разлуки.
Я стою и сама не знаю,
Обнимать ли тебя мнѣ сладко,
Или въ пляскѣ пойти кружиться...

(Доло молча, маскаетъ и цѣлуетъ Полиника).

О, Полиникъ,
Въ домѣ отцовскомъ
Какъ безъ тебя пусто базалось намъ,
Сколько ты слезъ друзьямъ,
Сколько ты гражданамъ
Горькихъ оставилъ слезъ,
А Этеокла единокровнаго,
Какъ укоряли мы!..

Я волны волосъ посѣдѣвшихъ съ тѣхъ поръ распустила,
И ихъ серебристыя пряди въ печали скосило желѣзо,
И бѣлаго цвѣта въ одеждѣ я больше не знаю,

Но часто съ тѣхъ поръ

По чернымъ и ветхимъ лохмотьямъ,
На тѣлѣ повисшимъ,
Текутъ материнскія слезы,

О, сынъ мой любимый и горькій!

А старый слѣпецъ
Въ чертогѣ отцовскомъ,
О, если бы зналъ ты:
Съ той самой поры,
Какъ ты отъ ярма
Изъ пары ушелъ,

Покою несчастный не знаетъ, со вздохами слезы мѣшая,
Зарѣзаться онъ порывался,
Изъ петли его вынимали;

И все среди стонѡвъ проклятыя свои выкликаеть,
И мракъ наполняютъ тяжелые вопли слѣпѡго...

Женился ты, сынъ мой?

Скажи, что неправда!

Неужто жь, дѣйствительно, ты на чужбинѣ женился?

О, горе родившей тебя!

Для древняго Лаия обида

И грѣхъ тебѣ, грѣхъ, Полиннѣ,

Что въ домъ ты ведешь чужеземку!

Блаженства лишенная мать, не я зажигала, увы!

Твой свадебный факель.

Ласкающей влагой Исмена родимаго волны

Для брачнаго ложа, о сынъ мой, тебя не омыли,

И улицы Фивъ не звучали отъ свадебныхъ гимновъ,

Встрѣчая царевну...

.....

Ты, бѣдствій источникъ сокрытый, изсякни во мракѣ!

Война или распря насъ губить,

Отца ль твоего преступленье,

Иль демонъ жестокой и черной въ чертогахъ

Эдипа пируетъ...

О, кто бъ ни посѣлялъ васъ, бѣды, въ сердце мое истерзали...

Корифей.

Что значить муки вытерпѣть, рождая:

Не можетъ мать ребенка не любить.

Полинникъ.

Родимая!.. Я правъ и я—безумецъ,

Безумецъ, да... Разумный не пойдетъ

Одинъ, къ врагамъ и въ осажденный городъ,

Но этотъ городъ—домъ мой, и я правъ...

Да, мать моя, влеченія къ отчизнѣ

Преодолѣть не можетъ человѣкъ:

Слова тебѣ докажутъ что угодно,

Но истина сильнѣе всякихъ словъ.

Я шель сюда... все время опасаясь

Сѣтей враговъ, и, тяжкій вынудъ мечъ,

Передъ собой держалъ его, а очи

Тревожно мракъ окрестный озирала.

И, если уцѣлѣлъ я, это ты

Меня спасла своей священной влятвой...

(Оглядывается).

О, только ты... Да, вотъ онъ нашъ чертогъ.

Вотъ и алтарь,—опять открылись взорамъ

Гимназіи, гдѣ росъ я, и родной
 Дирцеи блескъ... я радъ, а слезы льются
 Изъ глазъ моихъ... О, милыя мѣста!
 Отъ васъ я былъ отторгнуть такъ жестоко,
 Въ чужой землѣ на слезы осужденъ,
 Но васъ опять увидѣлъ я—и плачу...

(Плачетъ).

Но ты, о мать моя! О, горькій видъ
 Обрѣзанныхъ волосъ, одежды черной!
 Какъ ты бѣдой измучена моею!
 О, что за бичъ вражда единокровныхъ!

Іокаста.

Эдиповъ родъ могучею рукой
 На казнь влечетъ одинъ изъ Олимпійцевъ:
 А корень золь—зачатья тяжкій грѣхъ,
 Отцовскій бракъ и ты въ грѣхѣ рожденный.
 Но для чего все это? Такъ богамъ
 Угодно было,—и довольно...

Сынъ мой!

Моя душа горитъ желаньемъ слышать
 Твой голосъ, но боюсь, что тяжело
 Припоминать тебѣ...

Полиникъ.

О, нѣтъ не бойся,
 Съ тобой твое желаніе люблю:
 Все спрашивай, родимая—отвѣчу.

Іокаста.

Скажи, дитя, отчизну потерять
 Большое зло для человѣка, точно?

Полиникъ.

Огромное: словами не объять...

Іокаста.

Но чѣмъ же, чѣмъ изгнанникъ тяготится?

Полиникъ.

Рѣчей, о мать, свободныхъ онъ лишень.

Іокаста.

Удѣлъ рабовъ—трусливо прятать мысли.

Полиникъ.

А каково отъ грубости терпѣть?

Иокаста.

Да, жить среди глупцовъ... какая пытка...

Полиникъ.

Межъ тѣмъ рабомъ изгнанникъ *долженъ* быть.

Иокаста.

Но вѣдь его надежды окрыляютъ

Такъ говорятъ...

Полиникъ.

Обманчивыя, да.

Иокаста.

А въ ихъ тщетѣ разувѣряетъ время?

Полиникъ,

О, сладость слезъ изгнаннику, повѣрь

Единое желанье и отрада.

Иокаста.

Но про себя скажи мнѣ: гдѣ же ты

До свадьбы жилъ и чѣмъ питался, горькій?

Полиникъ.

День сътъ, порой—до завтра потерпи.

Иокаста.

Отцовскіе друзья не помогали?

Полиникъ.

У бѣдняка ты друга не найдешь...

Иокаста.

Но *кровь* тебя отъ черни отличала...

Полиникъ.

Что въ знатности? вѣдь, ей не проживешь.

Иокаста.

Итакъ, всего дороже намъ отчизна?

Полиникъ.

Страданьемъ я пять этихъ словъ купилъ...

Иокаста.

Какъ въ Аргосъ ты попалъ, съ какою цѣлью?

Полиникъ.

Не знаю самъ: такъ видно богъ велѣлъ.

Иокаста.

О, мудрый богъ! Но какъ же ты женился?

Полиникъ.

Оракуль былъ отъ Локсіи царю.

Іокаста.

Я не пойму... Какой еще оракуль?

Полиникъ.

Адрасту богъ дельфійскій предвѣщалъ,
Что дочерей отдасть онъ льву съ кабаномъ...

Іокаста.

Что жъ общаго имѣешь ты съ звѣрьми?

Полиникъ.

Ужъ ночь была, когда къ порогу дома
Адрастова пришелъ я.

Іокаста.

Ты искалъ

Ночлега, какъ изгнанникъ безпріютный?

Полиникъ.

Вотъ именно. За мной пришелъ другой.

Іокаста.

Кто жъ это былъ? Какъ ты, свиталецъ?... бѣдный!?

Полиникъ.

Тидей, а сынъ Ойнеевъ, говорятъ.

Іокаста.

Но почему жъ Адрасть вообразилъ,
Что звѣри вы?

Полиникъ.

Изъ за цыновки жалкой
Тягались мы: въ борьбѣ онъ насъ засталъ...

Іокаста.

И... объяснивъ оракуль Аполлона...

Полиникъ.

Онъ отдалъ намъ двухъ юныхъ дочерей.

Іокаста.

Что жъ, ты женой доволенъ, иль не очень?

Полиникъ.

Раскаяться покуда не успѣлъ...

Іокаста.

Но войско какъ склонить ты могъ къ походу?

Полиникъ.

Адрасть зятѣямъ обоимъ обѣщала
 Въ отечество вернуть ихъ, начиная
 Съ меня,—и вотъ данайцевъ лучшей цвѣтъ,
 Сильнѣйшіе аргосцы здѣсь со мною...
 Да, грустная услуга... но она
 Была необходима... *боги знаютъ,*
 Что не своей я волею иду
 На тѣхъ, кто мнѣ всего дороже въ мірѣ.
 Тебѣ одной, родимая, теперь
 Насъ помирить возможно—этой распрѣ
 Одна предѣлъ ты можешь положить.
 О, мать моя, склоняя Этеокла,
 Самой себя, Фиванцевъ пожалѣй,
 И сжался надъ своимъ бездомнымъ сыномъ...
 Я истиной избитой заключу
 Мои слова: на свѣтъ только деньги
 Даютъ намъ власть; вся сила только въ деньгахъ,
 И если я привелъ сюда войска,
 Такъ оттого, что бѣденъ я, а знатный
 И нищій мужъ среди людей—ничто.

Корифей.

Сюда идетъ для совѣщаній съ братомъ
 Фиванскій царь—уладить ихъ дѣла,
 Какъ матери, тебѣ, Иокаста, должно.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

(Тѣ же и Этеоклъ въ вооруженіи и со свитой).

Этеоклъ.

Мать, ты звада меня—я не хотѣлъ
 Тебя послушаться,—но только, если можно,
 Приказывай скорѣе—я спѣшу:
 Тамъ, у воротъ, свои войска повзводно
 Располагать я началъ... Столько дѣлъ...
 А тутъ ко мнѣ явились съ приглашеньемъ...
 И такъ ты насъ задумала мирить
 И лишь затѣмъ меня уговорила
 Впустить въ ограду нашихъ славныхъ стѣнъ
 Вотъ этого... измѣнника... Не такъ ли?

Іонаста (Этеоклу).

Поудержись! Поспѣшность не порука
 За истину, и плавный ходъ рѣчей
 Изъ мудрыхъ устъ намъ кажется прекраснѣй.
 Свирѣбный взоръ и гнѣвное дыханье
 Смягчи, мой сынъ. Ты видишь возлѣ насъ.
 Не голову Горгоны, на которой
 Еще свѣжа пурпуровая кровь...

(Строго).

Передъ тобой твой братъ и гость... Ты слышишь?
 (Къ Полинику который стоитъ опустя голову, между тѣмъ какъ
 Этеоклъ отвернулся въ сторону).

Ты жъ, Полиникъ, лица отъ насъ не прячь:
 Лучами глазъ отвѣтныхъ взоровъ брата
 Ищи, мой сынъ: такъ легче говорить
 И слушать рѣчь.

(Полиникъ поднимаетъ голову, но старается не смотреть на
 брата).

Отъ мудрости житейской,
 Вотъ мой совѣтъ вамъ, дѣти: если вы
 Поговорить сошлись, то гнѣвъ взаимный
 Забыть должны; вы, взорами сплетаясь,
 Одно въ умѣ держать старайтесь дѣло,
 Что обсудить рѣшили, а обидь
 И прошлыхъ золь не сохраняйте память!
 Ты, Полиникъ, дитя мое, сперва
 Свое сважи! Съ дружинами данайцевъ
 Тебя сюда обида привела.
 Не такъ ли, сынъ мой? Пусть же богъ насъ судить.
 И правдою отъ золь освободить.

Полиникъ.

У истины всегда простыя рѣчи,
 Она бѣжить прикрасъ и пестроты,
 И виѣшнія не нужны ей опоры,
 А кривды рѣчь недугъ въ себѣ таить,
 И хитрое потребно ей лѣкарство.
 Когда, храня нашъ древній отчій домъ,
 Проклятіемъ Эдина осужденный,
 На цѣлый годъ я брату уступилъ
 Фиванскій тронъ для власти безраздѣльной,
 А самъ ушелъ въ изгнанье, я не думалъ,
 Что мнѣ мечомъ придется отбирать
 Имѣнія и власть: мое рѣшенье

Онъ такъ хвалиль, онъ клялся и боговъ
 Въ свидѣтели онъ призывалъ, что смѣнить
 Меня въ изгнаніи, какъ только минеть годъ,
 Но клятвы позабыты... Онъ владѣть
 Моимъ добромъ и трона уступать
 Не думаетъ... Клянусь, что я сейчасъ,
 По праву власть отцовскую пріавши,
 Съ Кадмейскихъ стѣнъ осаду снять готовъ,
 Чтобъ черезъ годъ опять идти въ изгнанье,—
 Но правъ своихъ я попираю не дамъ,
 Покуда мечъ поддерживать ихъ можетъ...
 Въ свидѣтели божьихъ я зову,
 Что поступалъ по правдѣ, и отчизны
 Лишень несправедливо и безбожно...
 Пусть рѣчь моя не блещетъ остротой,
 И грубъ ея языкъ прямой... Но правда,
 По моему, для мудрыхъ и немудрыхъ
 Одна на свѣтѣ, и другой не сыщешь.

Корифей.

Я выросла не въ эллинской семьѣ,
 Но рѣчь твоя мнѣ кажется разумной.

Этеокль (обращается къ матери).

Когда бы всѣмъ казалось на землѣ
 Одно и то же мудрымъ и прекраснымъ,
 Раздоры бы не тяготили міра.
 Увы! для рода смертныхъ ничего
 Нѣтъ равнаго на свѣтѣ, только имя
 Уподобляетъ вещи, а не сущность.

Передъ тобой желаній не таю:
 На путь свѣтилъ полуночныхъ, и въ бездну
 Подземную, и къ ложу солнца я
 За свипетромъ пошелъ бы не колеблясь,
 Когда бы тамъ онъ спрятанъ былъ. Царей
 Великихъ власть среди боговъ безсмертныхъ—
 Богиня дивная. А я—еванскій царь!
 О, мать моя, и правъ своихъ державныхъ
 Я не отдамъ другому.—пусть ихъ вырветъ...
 Быть подданнѣмъ захочетъ только трусъ,
 Когда царемъ онъ можетъ оставаться...
 И что же намъ угрозы уступать?
 Иль оттого онъ сдѣлался правѣе,
 Что копьями засѣялъ намъ поля...
 Нѣтъ, злая честь досталась бы еванцамъ,

Когда бы бремя скипетра изъ рукъ
 Мнѣ выбилъ мечъ мивенскій... а пришельцу,
 Коли онъ мира ищетъ, не на ножъ
 Прилично опираться, а на рѣчи.
 Иль словъ найти на нашемъ языкѣ
 Не смыслить онъ, что говорить желѣзомъ?..
 Довольно... Въ Фивахъ подданнымъ моимъ
 Онъ оставаться можетъ. Но престола
 Я не отдамъ... И къ дѣлу... Загорайтесь,
 Костры и факелы!.. острѣе ножъ точи!..
 Коней и колесницъ побольше въ поле!
 Когда Неправда намъ вручаетъ Власть,
 Онъ прекрасны обѣ. Добродѣтель,
 Во всемъ другомъ готовъ я соблюдать.

Корифей.

Красою словъ недобрые поступки
 Не прикрывай, царевичъ,—ты не правъ.

Ионаста (*послѣ нѣкоторой паузы,
 остановивъ глаза на Эте-
 окль*).

Дитя мое! Среди недуговъ старость
 Стяжала опытъ мудрый, и его
 Не отвергай, мой сынъ, а вразумляйся.
 Изъ демоновъ ужаснѣйшій теперь
 Твоей душой владѣеть—Жажда чести:
 Оставь богиню эту! правды нѣтъ
 Въ ея устахъ коварныхъ, и всечасно
 Она отравой сладкой напоетъ
 Цвѣтушія семейства, города...
 Ты одурманенъ ею и не видишь
 Другой прекраснѣе ея богини,
 Что Равенствомъ зовется на землѣ.
 Среди людей она такъ мирно править,
 Друзей она и ратниковъ роднитъ
 И съ городомъ связуетъ городъ вольный.
 Въ ней все: и справедливость, и законъ:
 Гдѣ нѣтъ ея— тамъ нищета и роскошь,
 Тамъ ненависть и слезы, униженье
 И дерзость тамъ. И мѣру намъ, и вѣсъ
 Она даетъ и числа образуетъ;
 И спутница печальная ночей,
 И яркихъ дней горящее свѣтило
 Изъ года въ годъ и очередь, и шагъ,

Богинѣ той покорны, не мѣняютъ
 И нѣтъ межъ ними зависти, а ты,
 Ты, смертный, въ дѣлѣхъ обидишь брата?!
 А правда гдѣ жъ, о сынъ мой? или такъ
 Слѣпить тебя сіявіе престола,
 Что власть царей *величіемъ* ты мнишь,
 Прощая ей надменныхъ обиды?
 О, суетность! Тебя манить, дитя,
 Источникъ благъ, а ты не хочешь видѣть
 На днѣ его мучительныхъ заботъ...
 И что оно, богатство? Тѣнь, названье...
 Да развѣ мудрый хочетъ быть богатъ?
 Мы даже не владѣльцы нашихъ денегъ,
 Богамъ онѣ принадлежать, богамъ:
 Хотятъ—дадутъ, хотятъ—опять отнимутъ...

Одумайся жъ, передъ тобой престоль
 И родина: неужто жъ предпочтешь ты
 Власть царскую спасенію своихъ?..
 А если братъ въ бою тебя осилитъ,
 И дротики Аргосцевъ отобьютъ
 Ударъ копья ѳиванскаго! Подумай:
 Тебѣ смотрѣть придется на разгромъ
 Священныхъ ѳивъ, смотрѣть на плѣнницъ нашихъ
 Поруганныхъ... и, *золото* твое,
Мечту твою омывъ слезами, городъ
 Такъ воззоветъ съ проклятіемъ къ тебѣ:
 О, Этеобль, о злая жажда чести!

(Къ Полинику).

И ты теперь послушай, Полиникъ:
 Аргосскій царь услугою невѣжды
 Тебя сманилъ и, какъ ребенокъ глупый,
 Ты ѳивы жечь съ данайцами пришелъ...
 Ну, хорошо, ты отвоюешь землю—
 Отъ слова вѣдь не станется. А тамъ?
 Какой трофей воздвигнешь ты Крониду
 Среди полей отчизны! да, на немъ
 Прочтутъ слова: „Щиты изъ ѳивъ сожженныхъ
 „Богамъ приносить Полиникъ ѳиванскій“.
 Не дай-то богъ тебѣ, мой бѣдный сынъ,
 У эллиновъ добыть такую славу...
 А если ты здѣсь будешь побѣжденъ,
 Съ какимъ лицомъ покажешься ты въ Аргосъ?
 Что скажешь тамъ про горы мертвыхъ тѣлъ,
 Аргосскихъ тѣлъ, оставленныхъ въ Кадмеѣ?

Изъ сколькихъ устъ укоры прозвучать:
 „О жалкій бракъ! Изъ-за тебя, Адрасть,
 „Изъ-за твоей затѣи мы погибли!“
 О, Полиникъ, ты молодъ и горячъ,
 И двѣ себѣ теперь ты ямы роешь:
 Вооружишь ты Аргось на себя,
 Иль здѣсь среди стяжанія погибнешь...
 А я опять вамъ, дѣти, повторю:
 Заносчивость безумную оставьте, —
 Вашъ дикій споръ—для Фивъ большое зло.

Корифей.

Спасите жъ насъ, бессмертные, отъ волъ,
 Иль сыновей Эдипа помирите!

Этеокль.

Споръ оконченъ; мнѣ сдается—мы напрасно время тратимъ,
 И напрасно жаръ душевный, мать моя, ты расточаешь.
 Мы иначе не сойдемся, какъ на прежнихъ основаньяхъ,
 То-есть, если онъ захочетъ уступить мнѣ власть безъ споровъ...
 (*Къ матери съ полуклономъ*).

Полагаю, что внушеній больше слушать не придется...

(*Полинику*).

Ты жъ не медля насъ оставишь, или будешь ты зарѣзанъ...

Полиникъ.

Я желалъ бы видѣть панцырь, чтобъ ударъ онъ вынесъ этотъ,
 (*Поднимаетъ мечъ*).
 И отъ смерти спасся воинъ, на меня поднявшій руку.

Этеокль.

Можешь видѣть—это близко. Видишь мечъ, а вотъ и панцырь...

Полиникъ.

Я спокоенъ... Жалкой жизнью трусь богатый не рискуеть...

Этеокль.

И на труса ты приводишь эти полчища, несчастный!

Полиникъ.

Не безумная отвага; разумъ нуженъ полководцу,

Этеокль.

О, хвастунъ... Тебѣ раздолье—крѣпки клятвы договора.

Полиникъ.

Слушай ты—я повторю: тронъ и часть полей отцовскихъ!

Этеокль.

Это лишнее... Я дома своего не уступаю.

Полиникъ.

Ты моей владѣешь частью.

Этеокль.

Уходи, я говорю!

Полиникъ.

Я ограбленъ.

Этеокль.

Ты измѣнникъ, другъ Аргосскому царю...

Полиникъ.

Стѣны братьевъ бѣловонныхъ...

Этеокль.

О, тебя стыдятся стѣны.

Полиникъ.

Я былъ изгнанъ изъ отчизны.

Этеокль.

И отправился въ Микены.

Полиникъ.

Боги! Боги!

Этеокль.

Ты бѣ не здѣшнихъ, а аргосскихъ призываль.

Полиникъ.

Нечестивецъ!

Этеокль.

Но отчизны я врагамъ не продавалъ.

Полиникъ.

Ты грабитель, ты обидчикъ!

Этеокль.

И убійцей буду скоро.

Полиникъ.

О, отецъ мой, эти муки...

Этеокль.

Муки вора, муки вора...

Полиникъ.

Мать моя!..

Этеокль.

Ты имя это недостойнѣ повторять.

Полиникъ.

Сестры милыя!

Этеокль.

Которыхъ ты явился разорять.

Полиникъ.

Фивы!

Этеокль.

Въ Аргосѣ отправляйся, тамъ взывай къ потоку Черны...

Полиникъ (*матери, съ движеніемъ*).

О прости, прости, родная!

Этеокль (*матери, мѣрно*).

Прочь отъ скверны, прочь отъ скверны!

Полиникъ.

Дай съ отцомъ хоть попрощаться.

Этеокль.

Не прощаяся, уйдешь.

Полиникъ.

Дай сестеръ обнять...

Этеокль.

Съ Адрастомъ развѣ къ нимъ ты попадешь...

Полиникъ.

Мать, прости и будь здорова!

Іокаста.

Гдѣ ужъ тамъ: душа томится.

Полиникъ.

Я не сынъ твой больше, мама.

Іокаста.

Лучше бь мнѣ и не родиться!

Полиникъ (*указывая на Этеокла*).

Надо мной онъ надругался...

Этеокль.

Надо жь было расплатиться.

Полиникъ (*Этеоклу*).

Гдѣ стоять ты будешь въ полѣ?

Этеокль.

Гдѣ стоять?.. А цѣль твоя?

Полиникъ.

Ополчась, тебя убью я.

Этеокль.

Не задумаюсь и я...

Иокаста.

Горе мнѣ!

Полиникъ.

Рѣшенье близко: мы стоимъ передъ судомъ.

Иокаста.

Вы Эринній не избѣгли.

Этеокль.

Сгибни жъ ты, Эдиповъ домъ!

(*Иокаста въ ужасъ бѣжитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же, безъ Иокасты.

Полиникъ.

Скоро, скоро мечъ мой праздный жаркой кровью оболъется!
 Будь свидѣтелемъ, отчизна, вы, безсмертные смотрите:
 Ухожу я обезпеченъ, отъ своихъ оторванъ силой,
 Будто я не сынъ Эдипа, а послѣдній рабъ Фиванскій.
 Если что случится, Фивы, Полиника не вините.
 Ты же, богъ-хранитель улицъ и чертогъ мой, я съ тоскою
 Покидаю васъ; простите! О, златые истуканы,
 Предъ которыми такъ часто кровь овечью возливалъ я,
 Васъ увижу ль, я не знаю, но не спить надежда въ сердцѣ,
 Что съ разбойникомъ покончивъ, я царемъ возсяду въ Фивахъ.
 (*Уходитъ*).

Этеокль (*вслѣдъ ему*).

Вонъ отсюда! О, недаромъ былъ ты названъ Полиникомъ,
И зачинщика раздоровъ *) твой отецъ въ тебѣ провидѣлъ.
 (*Уходитъ*).

*) **Этимологическое значеніе имени.**

Первый музыкальный антрактъ.

Строфа I.

О, какъ это было давно!
 Кадма Тирійскаго
 Въ эти поля Аонійскія долго телица вела,
 Ига не зная,
 Долго блуждала...
 Но тамъ, гдѣ городу стать,
 Судили вѣщанія бога,
 Вдругъ ослабѣвъ,
 Четыре колѣна склонила она и пала на землю.
 О, свѣжая зелень луговъ!
 О, свѣтлое лоно Дирцей
 И вы, о, глубокія нивы!
 Здѣсь, здѣсь намъ на радость
 Гремучаго бога
 Семела явила,
 И только явила, какъ плюща
 Зеленія кудри
 Зевесово чадо, вѣнчая и ластясь, увили.
 Съ этого дня поднесъ,
 Плющемъ украсившись,
 Жены и дѣвы здѣсь
 Эвія славятъ, вакхической пляской ликуя,
 Чадо Кронидово.

Антистрофа I.

Дракона съ кровавымъ гребнемъ,
 Съ взоромъ сверкающимъ,
 Стража потока Дирцейскаго, камнемъ Тиріецъ убилъ
 У водополя
 Въ висти могучей...
 И, внявъ Паллады словамъ,
 Богини, чудесно рожденной,
 Зубы его
 На нивѣ глубокой и тучной посѣялъ славный Тиріецъ.
 И, лоно земли растерзавъ,
 Булатомъ звеня и сверкая,
 Чудовища вышли оттуда,
 Какъ призракъ ужасный, —
 Но только что вышли,
 Какъ яростью полныхъ
 Тяжелымъ ударомъ желѣзо

Гигантовъ могучихъ,
 Въ губительной распрѣ погибшихъ, Землѣ воротило.
 Пала сыновняя
 Жаркой струею кровь
 Въ землю-кормилицу,
 Что такъ недавно, дыханьемъ эфира согрѣта,
 Здѣсь породила ихъ.

Строфа II.

Я, молись, призываю тебя,
 Праматери Ю
 Великій потомокъ,
 Рожденіе Зевса.
 На варварскій голосъ нашъ,
 Сойди къ намъ, Эпафъ, сойди!
 Къ землѣ обездоленной,
 Къ созданію Кадмову,
 Къ созданью сыновъ твоихъ!

Антистрофа II.

Ты почти соименныхъ богинь:
 Одну Персефону,
 Другую Деметру,
 Царицу вселенной
 Всѣмъ тварямъ кормилицу,
 Богинь намъ пошли, Эпафъ!
 Пусть факель спасенія
 Кадмейцамъ несутъ онѣ:
 Всевластны безсмертные...

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Этеокль въ царской одеждѣ, но безъ полнаго вооруженія, какъ дома. За нимъ стража.

Этеокль (*солдату*).

Ступай, сыщи намъ сына Менекея,
 А матери моей Юкасты брата.
 Скажи ему, что важныя дѣла
 Фиванскія и нашего семейства
 Немедля съ нимъ я долженъ обсудить,
 Пока мы бой еще отсрочить властны.

(*Видя приближающагося Креонта*).

Ба... вотъ и онъ: ногамъ твоимъ, солдатъ.
 Вельможный князь работы не доставиль.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

(Тѣ же и Креонтъ).

Креонтъ.

На силу-то тебя я розыскалъ,
Царь Этеовль, пришлось караулы
Мнѣ обойти у всѣхъ семи воротъ.

Этеокль.

И я, Креонтъ, хотѣлъ тебя увидѣть:
Сегодня былъ въ Кадмеѣ Полиникъ,—
Согласіе межъ нами невозможно.

Креонтъ.

Да, я слыхалъ, что онъ не въ мѣру гордъ
Своимъ родствомъ съ Аргосцемъ и на силы
Надѣется—но это предоставимъ
Богамъ рѣшать. Къ тебѣ, оиванскій царь,
Я шель теперь за настоящимъ дѣломъ.

Этеокль.

Что хочешь ты сказать, я не пойму.

Креонтъ.

Есть плѣнники аргосскіе у насъ.

Этеокль.

И новости изъ лагеря—не такъ-ли?

Креонтъ.

Мы штурма ждаты должны со всѣхъ сторонъ.

Этеокль.

Скорѣй же въ поле всѣхъ вооруженныхъ!

Креонтъ.

Остановись... дитя или слѣпецъ!..

Этеокль.

Туда, за ровъ, и въ бой безъ промедленій!

Креонтъ.

Да много ль насъ, а ихъ—и смѣты нѣтъ...

Этеокль.

Я знаю ихъ: вся храбрость ихъ до боя

Креонтъ.

Аргосцевъ чтить *Элада*, Этеокль.

Этеокль.

А я поля залю аргосской кровью.

Креонтъ.

Дай богъ тебѣ! но трудно, трудно, царь.

Этеокль.

А за стѣной оставить можно войско?

Креонтъ.

Предусмотрѣть и значить побѣдить:
Вотъ что тебѣ совѣтую припомнить.

Этеокль.

Другихъ путей поищемъ, если такъ.

Креонтъ.

Придумывай, пока еще не поздно.

Этеокль.

Что, если вылазку устроимъ мы, Креонтъ?

Креонтъ.

Во тьмѣ ночей несчастія таятся.

Этеокль.

И имъ, и намъ, но смѣлыхъ богъ хранить.

Креонтъ.

Да, хорошо, какъ спрятаться успѣешь...

Этеокль.

Успѣешь ли... Дирцея глубока.

Креонтъ.

Придуманно не дурно,—но защита
Надежная, по моему, вѣрнѣй.

Этеокль.

И все-таки въ обѣдъ я нападаю.

Креонтъ.

Пугнуть—пугнешь, а надо побѣдить.

Этеокль.

А конница? Набѣгъ кавалерійскій?

Креонтъ.

Колесами ихъ лагерь обнесень.

Этеокль.

Но гдѣ же выходъ, неужели сдаться?

Креонтъ.

Зачѣмъ? Съ умомъ всегда найдешь исходъ.

Этеокль.

Коли уменъ, придумай. Мы жъ посудимъ.

Креонтъ.

Тамъ семь вождей въ ихъ станѣ—я слыхалъ.

Этеокль.

Какъ семь вождей? Командовать надъ горстью?

Креонтъ (*подсказывая ему*).

И нашихъ войскъ движенія слѣдить.

Этеокль.

Постой, Креонтъ, необходимы мѣры
И быстрыя—не за горою врагъ...

Креонтъ (*быстро*).

Царь, семь вождей пошли къ семи воротамъ!

Этеокль.

Начальствовать, иль предлагаешь ты
Устроить рядъ кровавыхъ поединковъ?

Креонтъ.

Начальствовать, и лучшихъ избери.

Этеокль.

Чтобъ удалить возможность штурма башенъ?

Креонтъ (*продолжаетъ*).

Помощниковъ надежныхъ имъ поставь...

Этеокль (*насмѣливо*).

Что жъ посмѣлѣй иль только осторожныхъ?

Креонтъ.

Безъ смѣлости чего же стоитъ умъ,
И глупая кому потребна смѣлость?

Этеокль.

Пусть будетъ такъ. Лохаговъ назначать,

Аргосскому послѣдуя примѣру,

Сейчасъ иду я въ городъ семивратный...

Перечислять намѣченныхъ теперъ

Не время, кажется, когда враги такъ близко.

Но для себя я мѣсто приберегъ:

Я стану тамъ, гдѣ встрѣчу Полиника.

И если я не ворочусь, Креонтъ.
 Не позабудь устроить бракъ Гемона:
 Съ сестрой моей его я сговорилъ,
 Такъ обрученья повторять не надо...
 Тебѣ, Креонтъ, я оставляю домъ:
 Ты—дядя мнѣ и кровныхъ не обидишь.
 Иокасту мать въ довольствѣ содержи,—
 Кто ближе намъ: тебѣ и мнѣ, вельможный?
 Старикъ отецъ въ безуміи своемъ
 Самъ осудилъ себя на ослѣпленье:
 За яростный потокъ его провлятіи
 На голову дѣтей его хвалить
 Я не могу, конечно, и сегодня жъ
 Они меня раздавятъ, можетъ быть.
 Все, кажется?.. Да развѣ вотъ еще,—
 Тиресія гадателя мы спросимъ.
 Къ нему пошлю я сына твоего,
 Что имя дѣда носить, Менекея.
 И пусть тебѣ совѣты старецъ вѣщій
 Свои подастъ: рѣшенія боговъ
 Читаетъ онъ въ полетѣ птицъ небесныхъ.
 Меня—слѣпой Тиресіи не взлюбилъ
 Съ тѣхъ поръ, какъ разъ при немъ на ихъ искусство
 Я нападалъ.

Послѣдній мой приказъ

Тебѣ, Креонтъ, съ ѳиванцами,—коль боги
 Побѣду мнѣ сегодня ниспошлютъ,
 Пускай никто изъ гражданъ Полиника
 Въ землѣ родной не смѣетъ хоронить,
 И кто бы ни ослушался, казните! (Стражъ).
 А вы ступайте живо во дворецъ!
 Оружіе мнѣ нужно: щитъ тяжелый,
 И поножи, и панцырь, и шоломъ,
 Копье и мечъ. Иду я за отчизну
 На праведный и благородный бой...
 Ты жъ, изъ богинь богиня, Осторожность,
 Храни мой домъ и ѳивы безъ меня!

(Уходитъ. За нимъ
 Креонтъ и стража).

Второй музыкальный антрактъ.

Строфа.

О, печалью богатый Арей,
 О, богъ,

Обагранный кровью убитыхъ,
 Діониса веселаго чуждый!
 Для чего не идешь, господинъ,
 Туда, гдѣ юность ликуеть,
 Въ хороводахъ сплетааясь свѣтлыхъ,
 Гдѣ плещомъ и тисомъ увитый
 Волосъ золотистыхъ лохсъ
 У пляшущей дѣвы-Хариты
 И ходить, и вѣтса, и пляшетъ
 Подъ сладкую музыку флейты?..

Зачѣмъ тебѣ любо, суровый,
 На Оивы по жаркому полю
 Ряды желѣзныхъ данайцевъ
 Подъ мѣдныя звуки двигать?

То не Бромій тирсомъ безумья
 Толпу неподвижную тронулъ,
 Что тамъ на берегахъ Исмена
 И шумъ, и пыль поднялися,
 Что, въ вихрѣ кружась, замелькали
 Колеса и люди, и мулы,
 А конные мчатся рядами—
 То Арей дыханьемъ вздымаетъ
 Оиванцевъ, отродье спартовъ,
 И у каменнымъ стѣнъ Амфіона
 Ополчаются мѣдныя люди.

То ты, богиня Вражда,
 Для горькаго дома Лабдака
 Готовишь новыя бѣды.

Антистрофа.

О, священная зелень лѣсовъ,
 И ты,
 Киееронъ, вѣнчанный свѣгами,
 Артемиды алмазъ безцѣнный!
 Для чего ты хранилъ, Киееронъ,
 Ювастѣ сына Эдипа,
 Что когда-то изъ сѣни отчей
 На голыя скалы былъ брошенъ
 Съ пронизанной златомъ пяткой?
 Зачѣмъ, о крылатая дѣва,
 Изъ дебрей ты въ Оивы летѣла
 Съ загадкой своей печальной?

И лютое горе рождая,
 Потомвовъ великаго Кадма
 Въ когтяхъ уносила хищныхъ
 Къ сіяню лазури вѣчной?

Знать тебя, крылатое диво,
 Изъ царства поддоннаго мрака
 Аидъ посылалъ могучій
 На гибель кадмейскому роду...
 А нынѣ тебя замѣнила
 Ужасная братская распря...
 О, горе, о, злое рожденье,
 Когда мать отъ сына рождаетъ,
 О, грѣхъ, кровавый и страшный,
 Когда сынъ наслажденье вкушаетъ,
 Попирая матери ложе.
 Отъ васъ, объятъя грѣха,
 Родиться можетъ ли счастье,
 Иль добрыя дѣти родиться?

Эподъ.

...Въ тѣ давніе дни
 Нивы земли Фиванской,
 Зубы пріавъ дракона,
 Яркимъ вѣнчаннаго грѣбнемъ,
 Варваровъ міру явили,
 Первую славу отчизнѣ...
 ...Въ тѣ давніе дни
 На бракъ Гармоніи дивной
 Безсмертные боги стекались,
 И стѣны изъ бѣлаго камня
 Вставали подъ пѣніе арфы,
 Подъ звонъ Амфіоновой лиры
 Твердыни Кадмеи вставали,
 Въ долині, гдѣ зелень луговъ
 Исменъ волной орошаетъ,
 И близко къ нему подбѣгаютъ
 Дирцеи рѣзвыя волны.
 Съ онаго дня, какъ праматерь рогатая Іо
 Перваго предка кадмейскихъ царей породила,
 Сколько вы славныхъ именъ,
 Сколько вы подвиговъ славныхъ,
 Фивы родныя узрѣли!

А теперь вашъ блескъ воинскій
Долженъ ярко разгорѣться,
Или... вспыхнуть и угаснуть...

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Креонтъ и Тиресій въ золотомъ вѣнцѣ; его ведетъ дочь Манто и сопровождаетъ юноша Менекей, младшій сынъ Креонта.

Тиресій *(идетъ, нащупывая путь-
налкой и ступая мелкими
шагами старою слѣпца)*.

О, дочь моя, для стараго слѣпца
Ты око и опора, какъ во мракѣ
Для корабля полнощное свѣтило...
Я посохомъ ощупываю путь...
Идти легко... Тутъ гладкая дорога...
Но я усталъ... передохнемъ дитя...

(Осматривается, тяжело дыша).

Смотри же, дочь, храни въ рукѣ дѣвичей
Тѣ записи гаданій, гдѣ судьба
Фиванская начертана богами—
Въ святилищѣ моемъ я ихъ прочелъ.
А ты, дитя Креонтово, скажи намъ,
Далеко ли до города?—меня
Усталыя колѣни ужъ не носятъ,
И частые измучили шаги...

Креонтъ.

Привѣтъ тебѣ!.. Ладью свою, Тиресій
Останови у дружескихъ береговъ!

(Менекей)

А ты, мой сынъ, слѣпому будь поддержкой:
Младенческимъ и старческимъ ногамъ
Опора рукъ чужихъ всегда пріятна.

Тиресій *(не садясь на приглашеніе
Менекея)*.

Но ты, Креонтъ, по дѣлу звалъ меня
И спѣшному? Ты ждешь моихъ совѣтовъ?

Креонтъ *(усаживая его)*

Успѣется... Передохни, старикъ,
И, скинувъ съ плечъ томленье путевое,
Остатки силъ упавшихъ собери!

Тиресій (*садится*).

Да, тяжело мнѣ! Подумать, что вчера,
Вчера еще побѣду ѿкропидамъ,
Въ войнѣ съ царемъ еракійскимъ указавъ,
Златой вѣнецъ пріялъ я за вѣщанья,
Добычи ихъ аѳинской первый даръ.

Креонтъ.

Твой золотой вѣнецъ, о старецъ вѣщій,
Да явится намъ знаменемъ благимъ!
Ты видишь насъ, Тиресій, въ морѣ бѣдствій:
Данайцами тѣснимые, подъемлемъ
Мы тяжкій бой, и во главѣ дружинъ
Ѳиванскій царь копье уже поставиль...
Что дѣлать намъ, Тиресій, уважи,
Чѣмъ городу тѣсному поможемъ?

Тиресій.

Я вѣщихъ устъ не сталь бы размыкать
Для вашего царевича, но если
Тебѣ, Креонтъ, гаданія нужны,
Я говорить готовъ.

(перебираетъ въ рукахъ таблички, взятыхъ у Мантѣ).

Вашъ городъ страждетъ

Уже давно, съ тѣхъ поръ какъ, противъ воли
Боговъ, Эдипъ былъ зачатъ. И его
Незрячіе и кровью налитые
Глаза теперь для эллиновъ урокъ...
А сыновья, которые слѣплого
Темницею задумали карать,
Какъ будто мало кары Олимпійской,
Они — глупцы надменные, и только...
Когда, лишивъ несчастнаго слѣпца
Его богатствъ, послѣднее — свободу —
Они отнять дерзнули незаконно,
Разгнѣванный, онъ изрыгнулъ на нихъ
Тяжелыя отцовскія проклятья,
Чего тогда не дѣлалъ я, чего
Не говорилъ я сыновьямъ Эдипа! —
Лишь ненависть отвѣтомъ мнѣ была.

(Встаетъ и, переложивъ досечки въ лѣвую руку, жестикулируетъ правой).

Теперь, Креонтъ, внимли вѣщаньямъ Феба:
Для сыновей Эдипа настаетъ
Послѣдній бой, и ни одинъ не встанетъ...

А городу придется пережить
 Дни тяжкихъ жертвъ: я вижу, какъ на трупы
 Кровавыхъ тѣлъ ложится свѣжій рядъ,
 И стонъ земли Фиванской наполняетъ
 Мнѣ ужасомъ взволнованную душу.
 О, городъ мой, въ обломкахъ погребенъ,
 Ты узришь смерть, коль словъ моихъ не примешь.
 Вотъ первое: Да не царить въ тебѣ
 И да не будетъ даже гражданиномъ
 Къ Эдипову принадлежащій роду...
 Безумію подверженъ этотъ родъ...
 И Фивы онъ увлечъ въ погибель можетъ. *(По молчанью)*.
 Отъ вашихъ мукъ теперешнихъ одно
 На свѣтѣ есть, но горькое лѣкарство,
 И я его не буду называть...
 Гадателю опасно, а владыкамъ
 Нерадостно отечества алтарь
 Такою жертвой цѣнною украсить.
(Беретъ посохъ изъ рукъ дочери и возвращаетъ ей досчечки).
 Но я усталъ... Пора на отдыхъ мнѣ...
 Грядущее приму я, какъ другіе,
 А умереть придется,—не спасусь...

Креонтъ.

Ни съ мѣста, ты...

Тиресій.

О, не проси несчастный!

Креонтъ.

Бѣжишь?

Тиресій.

Бѣгу-ль? Судьба тебя бѣжитъ...

Креонтъ.

Лѣкарство намъ открой, твое лѣкарство...

Тиресій.

Теперь „открой“, а тамъ „молчи, молчи!“

Креонтъ.

Я откажусь спасти мою отчизну?!

Тиресій.

Такъ точно ты лѣкарство хочешь знать?

Креонтъ.

Для сердца нѣтъ заманчивѣе тайны...

Тиресій.

Попомни же и слушай, если такъ.
Но, нѣтъ, сперва скажи, куда дѣвался
Меня къ тебѣ приведшій Менекей?

Креонтъ.

Онъ здѣсь, старикъ.

Тиресій.

Пусть же удалится,
Онъ этихъ словъ моихъ не долженъ знать.

Креонтъ.

Оставь, мой сынъ сберечь счумѣть тайну

Тиресій.

Ты требуешь, чтобъ я вѣщалъ при немъ?

Креонтъ.

Зачѣмъ лишать его отрадной вѣсти!..

Тиресій.

Внемли жъ божественнымъ вѣщаньямъ устъ моихъ!
Вотъ этого ребенка, Менекея,
Отчизнѣ въ даръ ты долженъ заколоть...

И самъ судьбу на голову наливаль!

Креонтъ (*отступаетъ съ легкимъ сто-*
номъ).

Что говоришь, что говоришь, старикъ?

Тиресій.

Или слова мои тебѣ не ясны?

Креонтъ.

О, тяжекъ смыслъ твоихъ крылатыхъ словъ...

Тиресій.

Но крылья ихъ несутъ спасенье Фивамъ.

Креонтъ.

Что Фивы мнѣ?! Ты ничего, старикъ,
Не говорилъ, я ничего не слышалъ...

Тиресій.

Иль нашъ Креонтъ богами подмѣненъ?

Креонтъ (*обнимая сына*).

Иди, старикъ. Гаданій намъ не надо...

Тиресій.

Иль истины не стало на землѣ
Съ тѣхъ поръ, какъ ты несчастіемъ постигнутъ?

Креонтъ.

О, я молю тебя, твоихъ волѣнъ
И бороды твоей касаясь бѣлой...

Тиресій.

Зачѣмъ молить—ты слышалъ и терпи!

Креонтъ.

Молю... чтобъ ты своихъ гаданій страшныхъ
Кому-нибудь изъ гражданъ не открылъ...

Тиресій.

Преступнаго не вымолишь молчанья...

Креонтъ.

Иль ты его своей рукой убьешь?

Тиресій.

Зачѣмъ? скажу... Найдется исполнитель...

Креонтъ.

Но это зло, скажи, откуда жъ зло
Мнѣ и ему безвинному, Тиресій?

Тиресій.

Ты правъ, отецъ, желая это знать
И объясненій *требуя*: въ пещерѣ,
Гдѣ жилъ Драконъ, хранитель водъ Дирцейскихъ.
И сынъ Земли, онъ долженъ быть убитъ...
Тамъ кровь его, на землю пролитая,
За Кадмову побѣду заплативъ,
Съ обиженнымъ васъ примирить Ареемъ
И землю-мать отрадой напоить...
Да, плодъ за плодъ пріавъ и чистой кровью
Местъ давнюю насытивъ, будутъ къ вамъ
Арей и мать дракона благосклонны,—
Та мать, которая изъ лона золотой
Взростила здѣсь и дивный колосъ спартовъ...
О, въ жертву имъ не чуждая должна
Пролиться кровь, Драконова, родная,
И такъ какъ ты единственный потомокъ
Погибшихъ спартовъ, а Гемонъ твой сынъ,
Какъ обрученный, въ жертву не годится,—
Такъ умереть твой младшій осужденъ.

Онъ кровію, ребенокъ непорочный,
 Родныя Ѡивы можетъ возвеличить
 И погубить данайцевъ, а тебѣ
 Два жребія я указаль: отчизну
 Иль сына выбери—обонхъ не спасешь... (Дочери).
 Свой тяжкій долгъ исполнилъ твой отецъ,
 О дочь моя! домой поидемъ—судьбою
 Обижены мы, вѣщце: коль правду
 Имъ говоришь, такъ отъ людей уворъ,
 А пожалѣть нельзя,—обидишь бога.
 Нѣтъ, возвѣщать грядущее одинъ
 Дельфійскій богъ свободенъ. Чужды Фебу
 И блѣдный страхъ, и жалость, и печали.
 (Уходитъ, съ нимъ Матто).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Креонтъ и Менекей. Продолжительная пауза.

Корифей.

Молчаніе уста тебѣ сковало,
 О, говори: я такъ поражена...

Креонтъ.

Чего жъ ты ждешь? еще ль не угадала,
 Что я скажу? Конечно, нѣтъ, и нѣтъ...
 Иль долженъ я изъ жалости къ отчизнѣ
 Ей сына жертвовать? да развѣ боги,
 Вселяя въ насъ отцовскую любовь,
 Отъ смертнаго потребовать рѣшатся,
 Чтобъ палачамъ дѣтей онъ отдавалъ?..
 Не надо мнѣ благословеній, кровью
 Сыновнею обрызганныхъ... (помолваж). Но самъ,
 Созрѣвшій для косы на нивѣ колось,
 Я радъ сейчасъ за Ѡивы умереть... (Менекею).
 Дитя мое, пока спокоенъ городъ,
 Вѣщанія безумныя презрѣвъ,
 Бѣги, покинь Ѡиванскіе предѣлы...
 О, только бы поспѣть, пока его
 Гаданія начальникамъ извѣстны
 Не сдѣлались и боевымъ вождямъ...
 Не медли, сынъ, намъ дѣроги мгновенья.

Менекей.

Бѣжать? куда? въ чей городъ и въ кому?

Креонтъ.

О, только дальше, дальше отъ Кадмен...

Менекей.

Но надо знать, отецъ, куда бѣжишь...

Креонтъ.

За Дельфами...

Менекей.

За Дельфами... а дальше...

Креонтъ.

Въ Этоліи...

Менекей.

Положимъ, а затѣмъ?

Креонтъ.

Оеспротъ слыхаль?

Менекей.

Гдѣ славный храмъ Додонскій?

Креонтъ.

Ну, да.

Менекей.

Но кто жъ свитальца пріютить?

Креонтъ.

Богъ защититъ тебя...

Менекей.

А деньги, деньги?

Креонтъ.

Дамъ золота тебѣ я.

Менекей.

Хорошо..

Иди, отецъ... а мнѣ проститься надо

Съ твоей сестрой родимою,—когда

Безъ матери остался я, Иокаста

На грудь къ себѣ сиротку приняла.

Я ей скажу: „прости“ и отправляюсь...

(Креонтъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.**Менекей.**

О, женщины! Согласіемъ притворнымъ
 Я утишилъ тревожный духъ отца,
 И долѣе таиться мнѣ не надо...
 „Уйди“ онъ говорилъ: „и городъ брось
 На произволъ судьбы!“ Такую трусость
 Простать, конечно, люди старику.
 Отцу простать—но сына, чтò отчизну
 Могъ выручить и предаль, проявляють:
 Измѣнникамъ отчизна не прощаетъ...
 Довольно... Жизнь я отдаю богамъ...
 Какой позоръ! Когда у стѣнъ еиванскихъ
 Сограждане, отчизну заступивъ,
 Свои щиты поставили безстрашно,
 И хоть на смерть ихъ Фебъ не осуждалъ,
 Ареевыхъ не избѣгаютъ взоровъ, —
 Тотъ человѣкъ, который можетъ смертью
 Отъ тяжкихъ мукъ отчизну исцѣлить,
 Становится предателемъ отцовскимъ
 И братнимъ, и еиванскимъ... Нѣтъ и нѣтъ!
 Да и куда пошелъ бы я?.. Для труса
 Почетъ одинъ въ отчизнѣ и въ бѣгахъ...
 А ты, Арей, кровавый житель неба,
 Когда-то здѣсь воздвигшій изъ земли
 Чудовищныхъ владыкъ земли еиванской,
 Внемли мнѣ, богъ! На башню я иду
 Себя казнить, и въ черную обитель
 Драконову моя прольется кровь,
 Какъ повелѣлъ Креонту старецъ вѣщій.

Не бѣдный даръ тебѣ я приношу,
 Еиванскій край, недугъ твой исцѣляя...

И если бы странѣ своей служить
 Желали всѣ, себя забывъ,—для міра
 Настали бы златыя времена. *(Уходитъ)..*

Третій музыкальный антрактъ.

Строфа.

Зачѣмъ, скажи, крылатая,
 Ехидны порожденіе,
 Исчадье мрака адскаго,
 До половины дѣвушка,

До половины чудище,
 Зачѣмъ ты прилетала къ намъ?
 О, крылья безпокойныя,
 О, когти кровожадные,
 Зачѣмъ берега Дирцейскіе
 Опустошали вы?
 И юношей измученныхъ
 Загадкой невеселою
 Зачѣмъ въ лазурь умчали вы?

Бѣды несносныя
 Намъ ты судиль, Арей,
 Матери плакали,
 Дѣвушки плакали,
 Жалобой улицы,
 Стономъ дома полны
 Были оиванскіе.

И смѣшанный гулъ причитаній,
 Какъ громъ, разсѣкало стenanье,
 Когда уносила колдунья
 Изъ города новую жертву.

Антистрофа.

Но вотъ Эдипъ, подвинутый
 Дельфійскаго оракула
 Словами злополучными,
 Принесъ имъ радость враткую
 И новыя страданія...
 Побѣдою украшенный,
 На матери женился сынъ
 И послѣ, кровью залитый,
 Проклятыями на смертный бой
 Онъ *сыновой* привель...
 Хвала тебѣ, хвала тебѣ,
 За родину любимую
 Себя обрешій гибели!

Стоны оставилъ ты
 Старцу родителю,
 Граду жъ оиванскому,
 Семиворотному,
 Славу оставишь ты...
 Счастливы матери,
 Если такихъ родятъ.

О, еслибъ ихъ жребій счастливый
 Дала намъ Паллада, что камень,
 Начало всѣхъ бѣдствій еиванскихъ.
 Вручила убійцѣ дракона...

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Вѣстникъ-оруженосецъ. (Продолжительный и нетерпѣливый стукъ въ ворота).

Эй!... Эй... Да есть ли кто тамъ? Откройте...
 Къ царицѣ я... Царицу поскорѣй
 Мнѣ надо видѣть, люди, Иокасту.
 (*Ворота отворяются и вдали видна идущая Иокаста*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Вѣстникъ и Иокаста.

Вѣстникъ.

Ты жалобы и слезы позабуди,
 Эдинова преславная супруга,
 И ухо преклони къ моимъ рѣчамъ.

Иокаста (*тревожно*).

О, милый мой! Иль новое несчастье?..
 Царь Этеоклъ, съ которымъ ты ушелъ,
 Мой сынъ, мой сынъ, скажи скорѣе, вѣстникъ:
 Онъ живъ еще?

Вѣстникъ.

Да живъ, онъ, госпожа,
 Живъ и здоровъ, о немъ не безпокойся...

Иокаста.

А стѣны что? Какъ башни на стѣнахъ?

Вѣстникъ.

Цѣлехоньки, и городъ нашъ не тронутъ...

Иокаста.

Но врагъ грозилъ, не правда ли, стѣнамъ?

Вѣстникъ.

Да, дѣло тамъ лихое завязалось,
 Но нашъ Арей Кадмейскій устоялъ
 Противъ копья Микенскаго, царица...

Іокаста.

Скажи еще одно, ради боговъ:
Мой Полиннѣ, онъ живъ, онъ видитъ солнце?

Вѣстникъ.

Да живы оба сына, госпожа...

Іокаста.

Дай богъ тебѣ! Но какъ же удалось вамъ
Прогнать врага отъ городскихъ воротъ,
И сохранить ограду невредимой?
Скажи скорѣй, чтобъ я могла слѣпцу
Нежданное повѣдать избавленье.

Вѣстникъ.

Тамъ, въ вышинѣ, отважный Менекей,
За родину мечомъ пронзалъ горло,
Готовилъ намъ спасенье, а внизу
Твой сынъ дѣлилъ оиванцевъ на отряды,
Чтобъ семь воротъ удобнѣй охранять.
Онъ конницу поставилъ противъ конныхъ,
Пѣхоту къ пѣхотинцамъ пригонялъ,
Со всѣхъ сторонъ готовясь встрѣтить приступъ.
Я съ башни былъ поставленъ наблюдать.
Смотрю—вдали на высотахъ Тевмесскихъ
Какое-то движенье: вотъ щиты,
Бѣлѣясь, сплотились, вотъ аргосцевъ
Огромная бѣгущая толпа
Становится все ближе, все виднѣе
И—прямо къ намъ, на стѣны: только ровъ
Остановилъ ихъ бурное движенье...
И вотъ заразъ и съ нашихъ стѣнъ, и тамъ
Призывные пѣаны зазвучали,
И заиграли трубы. Впереди
Своихъ рядовъ щетинистыхъ и плотныхъ
На ворота Нейскія держалъ
Партенопей, и щитъ его девизомъ
Кабана этолійскаго имѣлъ,
Сраженнаго стрѣлою Аталанты...
А тамъ въ воротахъ Прета я увидѣлъ
Амфіарая вѣщаго—онъ везъ
На колесницѣ жертвенныхъ животныхъ,
И скромный щитъ героя не блисталъ
Эмблемами надменными. Къ воротамъ,
Что старыми зовутся, подвигался

Гиппомедонтъ, и щить его тяжелый
 Стоокимъ аргусомъ украшенный пестрѣль,
 А ворота Гомола ожидали
 Тидея съ шкурой львиной на щитѣ,
 И волоса на ней вздымались грозно,
 Десница же Тидеева несла
 Въ свѣтильникѣ губительное пламя,
 Какъ несъ его когда-то Прометей.
 На ворота Источника грозою
 Шель Полиникъ, твой сынъ, и щить его
 Потнійскими конями былъ украшенъ,
 И ужасомъ исполнились сердца,
 Когда коней бѣситься онъ заставилъ,
 Ихъ двигая искусно за щитомъ.
 ▲ противъ вратъ Электриныхъ воздвигся
 Съ дружиною надменный Капаней,
 Себя богамъ безумно приравнявшій;
 Щить украшалъ ему литой гигантъ:
 Какой-то городъ снявши съ основаній,
 Онъ на плечи себѣ его взвалилъ,—
 И то была угроза нашимъ Тивамъ!
 У вратъ седьмыхъ былъ наконецъ Адрасть...
 Аргосскій щить украшенъ былъ рисункомъ,
 Изображавшимъ Гидру, вокругъ нея
 Сто лютыхъ змѣй вилися, и драконы
 Съ кадмейскихъ стѣнъ похищенныхъ бойцовъ
 Въ своихъ кровавыхъ челюстяхъ держали —
 Мивенская утѣха! Таковы
 Моимъ *тогда* вожди предстали взорамъ...
 Нашъ первый бой былъ бой издалека,
 Перо стрѣлы, и тяжкіе обломки,
 И дровишки изъ напряженныхъ рукъ,
 И изъ пращи сокрытый мѣткій камень,—
 Все было намъ защитою.. Но вотъ
 Тидей, когда одолѣвать мы стали,
 Такъ закричалъ аргосцамъ, а за нимъ
 Твой Полиникъ, царица: „О, данайцы!
 „Не ждете ль вы, чтобъ перебили васъ
 „Снарядами? что медлите набѣгомъ
 „Ворота взять? За мной, впередъ, гимнеты!
 „И конные, и съ колесницъ своихъ
 „Изъ-за щитовъ разящіе гоплиты!“
 На этотъ зовъ аргосцы, какъ одинъ,
 Всѣ подпялись, и кровью обагрился

Изъ череповъ разбитыхъ вражій стань...
 Не разъ тогда и съ нашихъ стѣнъ летѣли
 Убитые, какъ ловкій акробатъ,
 И на поля ихъ кровь лилась потокомъ...
 Но вотъ изъ устъ аркадскихъ слышенъ крикъ:
 „Огня сюда и топоровъ!“ и вижу
 У самыхъ стѣнъ исчадье Аталанты...
 Ворота онъ ломать готовъ, но камнемъ
 (Котораго въ повозкѣ не свезти)
 Въ него метнулъ Периклимень съ забрала,—
 И голова подъ золотомъ мудрей
 Размозжена, по швамъ своимъ разсѣлась,
 А щекъ его румянецъ заалѣлъ
 Отъ хлынувшей изъ раны крови жаркой,
 И дочь Меналова, царица стрѣль, увы!..
 Живого сына больше не увидитъ...
 Обрадованъ удачею, нашъ царь
 Къ другимъ спѣшитъ воротамъ. Этеокловъ
 Я правлю слѣдъ. Глядимъ, у нашихъ стѣнъ
 Тидей орудуетъ съ дружиной этолійской,
 А мѣткій ихъ и непрерывный дротиевъ,
 Того гляди, что башенный карнизъ
 Снесетъ... Ужъ тыль къ Тидею обращая,
 Покинуть постъ дерзнули сторожа
 И за стѣной отъ гибели спасались,
 Когда самъ царь на брустверь ихъ вернулъ,
 Какъ псовъ труба охотничья сзываетъ...
 Мы—далѣе... О ужасъ! Капанэй...
 Нѣтъ, ярости надменной не счумѣю
 Я передать, съ которой сходни онъ
 Огромныя влачилъ къ еиванскимъ стѣнамъ
 И съ похвальбой кричалъ, что самъ Зевесъ
 Не защититъ теперь вадмейскихъ башенъ.
 И вотъ уже по гладкимъ ступенямъ
 Взбирается, и градъ камней тяжелыхъ
 Принять на щитъ тяжелый наровить...
 Вотъ гребень стѣнъ перешагнуть готовъ онъ...
 И вдругъ... Зевесъ ударомъ поразилъ
 Безумнаго... далеко задрожала
 Земля окрестъ, и тяжестью своей
 Влекомый, онъ упалъ избитымъ трупомъ.
 Кронидовъ гнѣвъ аргосскаго царя
 Въ смущеніе приводитъ и дружины
 Онъ отозвать спѣшитъ, но на врага

Нежданые кидаются оиванцы,
 Зевесовымъ огнемъ ободрены...
 Все хлынуло изъ города—пѣхота,
 И всадники, и сотни колесницъ
 Среди враговъ измятыхъ очутились,
 И копя Оивъ вонзились въ ихъ щиты.
 Разгромъ полнѣйшій! Сколько тамъ убитыхъ,
 Что колесницъ поверженныхъ, колесъ
 Что разлетѣлось въ щепки! Все смѣшалось:
 И трупы, и обломки. Да, пока
 Мы отстоять сумѣли укрѣпленья,
 А что потомъ случится, знаетъ богъ...

(Подавляя вздохъ).

Корифей.

О, побѣдить отрадно: развѣ боги
 Что лучшее придумаютъ, не мы.

Юкаста.

Ко мнѣ судьба и боги благосклонны:
 И сыновья живутъ, и городъ цѣлъ,
 А Менекей погибшій, это—кара
 Его отцу за мой преступный бракъ
 И тяжесть мукъ Эдиповыхъ. Онъ можетъ
 Утѣшиться, конечно, благомъ Оивъ...
 Но ты вернись къ начатому... Что дальше?
 Что стали дѣлать дальше сыновья?

Вѣстникъ.

Будь счастлива, царица, тѣмъ, что есть.

Юкаста.

Я знать хочу, что было дальше, вѣстникъ...

Вѣстникъ.

Иль вѣсть тебѣ спасенья не мила?

Юкаста.

Грядущее безвѣстностью тревожить...

Вѣстникъ.

Позволь уйти, царица, *дѣло* ждетъ:
 Царю его оруженосецъ *нуженъ*.

Юкаста *(пытливо всматриваясь въ него)*.

Ты отъ меня несчастье таишь?..

Вѣстникъ.

Охъ, продолжать-то лучше бы не надо...

Іокаста (*вцѣпляясь въ него*):

Ты скажешь все, коли тебя въ эфиръ
Не унесутъ невидимыя крылья...

ВѢСТНИКЪ.

О, горе мнѣ! Зачѣмъ благую вѣсть
Принесшаго уйти ты не пустила?
Внемли же злу, царица, и узнай,
Что сыновья твои въ единоборство —

(*Іокаста съ легкимъ стономъ дѣлаетъ шагъ назадъ и закрываетъ лицо руками*).

О, дерзость, о неслыханный позоръ —
Теперь вступить готовится отдѣльно
Отъ воиновъ, и громогласныхъ словъ
Имъ возвратить уже не можетъ воздухъ...
Когда герольдъ къ молчанію воззвалъ,
И всѣ ряды затихли въ ожиданьи,
Съ высокой башни первый Этеоклъ
Рѣчь обратилъ къ соперникамъ затихшимъ...
„Данайцевъ цвѣтъ и ты, народъ кадмейскій“,
— Такъ говорилъ нашъ юный властелинъ, —
„Изъ-за меня и брата Полиника
„Довольно жертвъ. Я самъ себя хочу
„Отстаивать, и пусть единоборство
„Сегодня споръ межъ братьями рѣшить.
„Убивъ, царить я буду безраздѣльно,
„Осиленный, я отдаю престолю.
„А вамъ, мужи аргосскіе, не лучше ль
„Въ отчизнѣ жить, чѣмъ въ Фивахъ умирать“?
Такъ онъ сказалъ, и братья, ряды покинувъ,
Его слова хвалою увѣнчали,
Ему во слѣдъ враги рукоплескали,
И гулъ со стѣнъ ихъ правыми призналъ...
Былъ тотчасъ миръ объявленъ, и клянутся
Торжественно хранить его вожди.
Потомъ одѣтъ бойцовъ блестящей мѣдью
Къ шатрамъ птенцовъ Эдипа собрались,
У одного потомки спартовъ древнихъ,
Данайцевъ цвѣтъ другого окружилъ...
И вотъ на бой сошлись они, сіяя...
Съ ихъ юныхъ лицъ румянецъ не сбѣгалъ,
У важдога горѣло сердце только
Скорѣй копье въ соперника метнуть...
Окрестъ друзья, словами ободряя,

Твердили имъ: „Могучій Полинникъ,
 „Ты, побѣдивъ, трофей поставишь Зевсу,
 „А въ Аргосѣ легендой станешь ты!“
 — „О, Этеокль, отчизну защищая,
 „Побѣдою вѣнчаешь ты престолъ“!
 И жаръ сильнѣй въ ихъ душахъ разгорался...
 Гадатели жъ, проливши кровь агнятъ,
 Дымъ жертвенный прилежно наблюдали:
 Развѣтсѣ или столбомъ пойдетъ,
 И по тому, высоко ль пламя жертвы,
 И на кипящей влагѣ пузыри, —
 Грядущаго исходъ вѣщали боя...
 О, если ты ихъ можешь удержать
 Иль силою, иль хитрыми рѣчами,
 Иль чарами, молю тебя, не медли,
 Иди туда, Иокаста, и дѣтей
 Останови средь пагубнаго боя... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Иокаста (обращаясь къ терему).

Повинь, чертогъ, дитя мое, и къ намъ
 Сойди скорѣй! Тебѣ готовить роги
 Не терема дѣвичьяго покой,
 Не хороводъ съ подругами веселый:
 Ты съ матерью мольбами разнимать
 Пойдешь сейчасъ ужасный поединокъ
 Двухъ витязей, твоихъ несчастныхъ братьевъ.

Голосъ Антигоны.

О, мать моя, ужель еще ударъ
 Мнѣ голосъ твой призывный возвѣщаетъ?
 (Выходитъ изъ воротъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Иокаста и Антигона.

Иокаста.

Ихъ нѣтъ, о дочь, нѣтъ братьевъ у тебя.

Антигона.

Что говоришь?!

Иокаста.

Они на поединкѣ...

Антигона.

Что жъ дѣлать мнѣ?

Іокаста.

Идти туда со мной.

Антигона.

Изъ терема?!

Іокаста (*тащитъ ее*).

Туда, на поле брани...

Антигона.

Мнѣ стыдно, мать!

Іокаста.

О, до того ль теперь!

Антигона.

Чѣмъ помогу?

Іокаста.

Ты превратишь ихъ ссору-

Антигона.

Но чѣмъ, скажи?

Іокаста.

Мы будемъ ихъ молить...

Антигона.

Идемъ же, мать... О, для чего мы медлимъ!..

Іокаста.

Да, да, скорѣй! и если тамъ живыхъ
Заставемъ мы, я буду видѣть солнце,
Но трупы ихъ похорони со мной. (*Уходятъ поспѣшно*).
Четвертый музыкальный антрактъ.

Строфа.

Увы! Увы!

Дрожитъ мое сердце тоскою и страхомъ!

И къ матери горькой

Глубокая жалость любви

Суставы мои пронизаетъ...

О, Зевсъ, о, мать Земля,

О, бѣдствія тягость!

Который, который изъ нихъ,

Кровію брата обрызганъ,

Черезъ дoспѣхъ и одежды
 Братскую душу погасить,
 И слезы пролью надъ котормъ,
 Тяжелыя слезы разлуки?

Антистрофа.

Увы! Увы!
 Какъ звѣри со злобой въ душѣ кровожадной,
 Кошмъ потрясая,
 Ужъ прынуть готовы они
 За свѣжею вражью кровью...
 Зачѣмъ, скажите, зачѣмъ
 Вашъ бой одиночный?
 Напѣвомъ родныхъ береговъ
 Я обовью ваши бѣды...
 Стонами мертвыхъ оплачу...
 Близокъ конецъ неизбѣжный,
 И мечъ порѣшитъ вашу ссору,
 О, горькія жертвы Эринній!

Корифей.

Но вотъ, Креонтъ, съ своей печалью тяжкой:
 Не надо плакать, сестры, передъ нимъ...

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Креонтъ (*за нимъ слуги несутъ тѣло
 Менекея*).

О, горе мнѣ! Кому пошлю васъ, стоны,
 Изъ устъ моихъ летящія, и васъ,
 Потоки слезъ? себя ли я оплачу,
 Иль городъ мой, увитый тучей скорби
 И Ахеронтъ узрѣвшій?.. Этотъ трупъ
 Погибшаго такою благородной
 И для меня такою тяжкой смертью,
 Самоубійцы трупъ я подобралъ
 На самомъ днѣ драконовой пещеры;
 Сестрѣ моей отдамъ его и пусть
 Племянника омоетъ и одѣнетъ,
 Чело его цвѣтами уберетъ...
 Кто живъ еще, услугой бездыханнымъ
 Царя глубинъ подземныхъ да почтитъ!..

(*Направляется къ дому, тѣло уносятся*).

Корифей.

Твоей сестры въ чертогѣ нѣтъ, вельможный.
Она ушла, и Антигона съ ней..

Креонтъ.

Ушли? куда? Какой судьбѣ покорны?

Корифей.

Бъ ней вѣсть пришла, что сыновья ея
Въ борьбѣ за тронъ на поединокъ вышли

Креонтъ.

Что говоришь?.. Услуги мертвецу
Любимому послѣднія, и эти
Слова ужасныя и новыя... о, нѣтъ...

Корифей (*видя подходящаго вѣст-*
ника).

Увы, Креонтъ, твоя сестра, царица,
Ушла давно... и роковой конецъ
Принять успѣлъ ихъ бой ожесточенный.

Креонтъ.

Да, ты права... И мрачень, и уныль
Видь воина, идущаго отсюда...
Какая вѣсть въ устахъ твоихъ, гонецъ?

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Креонтъ и вѣстникъ.

Вѣстникъ.

О, горе мнѣ... Рассказывать или плавать?

Креонтъ.

Ужасное начало! Мы погибли.

Вѣстникъ.

Горе и двойное горе... Тяжель грузъ еванскихъ бѣдъ.

Креонтъ.

Старыхъ, старыхъ или новыхъ? Не задерживай отвѣтъ...

Вѣстникъ.

Узнай... они не видятъ больше солнца...

Креонтъ.

О, боже мой!

Жестокія, ужасныя слова!

Такъ вотъ они, Эдиповы проклятыя,
Ты слышишь ли, свидѣтель ихъ чертогъ?..

Вѣстникъ.

Онъ нѣмъ, и только потому *не плачетъ*...

Креонтъ.

О, горе мнѣ! О, тягость нашихъ бѣдъ,
О, городъ мой, о, злополучный городъ!

Вѣстникъ.

Еще не все... Ты дальше не слыхаль...

Креонтъ.

Да что же скажешь ты еще ужаснѣй?

Вѣстникъ.

Твоей-сестры Ювасты тоже нѣтъ...

(Креонтъ молча закрываетъ глаза краемъ шматка).

Корифей.

Оплачь ее, оплачь ее со мною,
Руками бѣлыми лицо свое терзай...

Креонтъ.

Прости меня, Юкаста, жизни горькой
И грѣшнаго узрѣвшая предѣлъ
Загадкою дарованнаго брака...

(На нѣсколько секундъ остается погруженнымъ въ размышленіе и воспоминанія, потомъ поднимаетъ голову съ сухими глазами).

Но клятвою Эдипа порожденъ,
Каковъ же былъ тотъ братскій поединокъ?
Повѣдай намъ, о вѣстникъ новыхъ бѣдъ...

Вѣстникъ.

Предъ башнями Кадмейскими побѣду
Пріяли мы отъ Зевса: это ты,
Конечно, ужъ узналъ, Креонтъ: въ чертоги
Съ Фиванскихъ стѣнъ для вѣсти близовъ путь.

Когда тѣла одѣвъ блестящей мѣдью,
Межъ двухъ дружинъ сошлись сыновья
Эдиповы на споръ и бой копейный,
Взоръ обратя къ Микенамъ, Полиникъ
Такъ говорилъ съ мольбою къ властной Герфѣ:
„Владычица, я твой съ тѣхъ самыхъ поръ,
„Какъ въ жены взявъ аргосскую царевну,
„Въ землѣ твоей я поселился жить:
„Соперника и брата уничтожить

„Ты помоги мнѣ, Гера, и вручи
 „Мнѣ кровію омытую побѣду“.
 Да, Полинивъ и жаждалъ, и молилъ
 Позорнаго вѣнца братоубійцы.
 А Этеокль, остановивъ глаза
 На алтарѣ Паллады златошитной,
 Молился такъ: „О, Зевсово дитя,
 „Побѣдою копье вѣнчая, брату
 „Направь его, богиня, прямо въ грудь
 „И пусть убьетъ предателя отчизны“.
 Едва сказалъ, и ярче, чѣмъ огонь,
 Имъ мѣдъ трубы сигналомъ зазвучала.
 И вотъ, съ оскаломъ вепря на устахъ
 И съ пѣною на искаженныхъ лицахъ,
 Сбѣгаются—и прынуло копье,
 Но въ тотъ же мигъ щиты обоихъ скрыли,
 И даромъ мѣдъ по глади ихъ скользнуть...
 Но зоркіе глаза къ щиту приставивъ,
 Въ соперникѣ соперникъ уловить
 Старается чела свободный уголь...
 И кружатся безмолвные враги,
 Въ рукѣ копье безсильное сжимая...
 Насъ, зрителей, изъ страха за своихъ
 Тутъ даже въ потъ ударило, но сами
 Усталости не вѣдали бойцы...
 Вотъ Этеокль, ногой нащупавъ камень,
 Его съ пути отбросить захотѣлъ,
 Но въ тотъ же мигъ въ лодыжки перебитой:
 Онъ братское почувствовалъ копье,—
 И въ радости данайцы завопили.
 Тогда нашъ царь, перемогая боль,
 Въ открытое плечо намѣтилъ брату,
 Но не попалъ—сломилось остріе...
 Онъ шагъ назадъ и камнемъ Полиннику
 Древно копыя ломаетъ пополамъ:
 И вновь они равны и беззащитны...
 Чередъ настала для боевыхъ мечей.
 Но, обнаживъ тяжелое желѣзо,
 Изъ-за щитовъ, сначала не могли
 Они вредить другъ другу—только стучъ
 Да гулъ стоялъ окрестъ отъ ихъ ударовъ...
 Пока нашъ царь въ умѣ не воскресилъ
 Въ Фессалии имъ видѣнную хитрость:
 Осѣвъ на ногу лѣвую, свой щитъ

Приподнял онъ, и правой сдѣлалъ выпадъ,
 А такъ какъ врагъ при этомъ не успѣлъ,
 Подвинувъ щитъ, закрыться отъ удара,
 Ему въ животъ уходитъ лезвіе...
 Тотъ падаетъ на землю, кровь ручьями
 Изъ раны хлынула, а побѣдитель-царь,
 Считая бой оконченнымъ, бросаетъ
 Кровавый мечъ и голою рукой
 Доспѣхъ снимать съ поверженнаго брата
 Нагнулся, щитъ оставивъ на землѣ...
 Но Полинникъ и *лѣжа мечъ тяжелый
 Еще сжималъ хладѣющей рукой...
 Отчаяннымъ усиліемъ желѣзо
 Приподнял онъ и. торжество прервавъ,
 Вонзилъ его ликующему въ сердце...
 Враги теперь въ смѣшавшейся крови
 Лежатъ, и пыль уста ихъ покрываетъ,
 И мощно смерть соединила ихъ,
 Непобѣдившаго съ непобѣжденнымъ.

Корифей.

Увы! Увы! О, бѣдствія слѣпца
 И ты, о мощь отцовскаго проклятья!
 (*Въ хортъ плачъ*)—

Вѣстникъ.

Но погоди... Я не исчерпалъ бѣдъ...
 Когда бойцы безсильно землю грызли,
 И смерть уже глядѣла имъ въ глаза,
 Явилась мать-царица... Эти раны
 И кровь, и смертныя мученія дѣтей
 Она увидѣла, несчастная, и вопли
 Тяжелые по полю понеслись.
 „Зачѣмъ“ — она взываетъ, — я не знала
 „О вашемъ боѣ, дѣти, и разнять
 „Васъ не пришла? Зачѣмъ теперь ужъ поздно?“
 То къ одному со стономъ припадетъ,
 То надъ другимъ, рыдая, причитаетъ:
 Ей вспомнились и муки, и труды,
 Что выпали на долю ей напрасно,
 И ласки ей припомнились. А дочь
 Царевна такъ въ слезахъ имъ говорила:
 „Кормильцы матери, опора старика,
 „О, на кого меня вы, сиротинку,
 „Покинули, безъ мужа и семьи“?

Царь Этеовль среди мученій смертныхъ
 Мать узнаеть, но влажною рукой
 Ея лица касаясь, онъ не можетъ
 Произнести ни слова. Только глазъ
 Нѣмая рѣчь родимую ласкаетъ...
 А Полиникъ еще дышалъ, и, мать
 Съ сестрою глазъ лучами обливая,
 Онъ имъ сказалъ: „Простите... жизни нѣтъ
 „Въ твоёмъ ребенкѣ, мама, и жалѣю
 „Я очень и тебя, и Антигону,
 „И Этеокла тоже—бѣдный братъ!
 „Онъ былъ мой врагъ, но умираеть братомъ...
 „Смотри же, мать, и ты, сестра, мой трупъ
 „Похороните дома... вы еиванцевъ
 „Упрѣдите? не правда ли? Изъ царства,
 „Котораго лишился я, земли
 „У нихъ прошу ничтожныя двѣ горсти...
 „Дай руку, мать... глаза мои закрой...“
 И у него еще достало силы
 Ея рукой коснуться вѣкъ своихъ
 И прошептать: „Простите... мракъ могильный
 „Мои глаза наполнилъ... О, прости...“
 Сказалъ—и жизнь несчастнѣйшіе братья
 Покинули въ одинъ и тотъ же мигъ...
 А мать въ порывѣ ужаса и муки
 Изъ трупа мечъ кровавый извлекла
 И въ грудь всадила, послѣ запаталась,
 Вся бѣлая упала межъ дѣтей
 И умерла, ихъ молча обнимая...
 Межъ тѣмъ вoзвругъ ужъ разгорался споръ,
 Кто побѣдилъ, и мы за Этеокла,
 Данаицы противъ были. А вожди
 Рѣшить сомнѣній нашихъ не умѣли...
 Тотъ тѣни Полиника присуждалъ
 Побѣду за его ударъ начальный,
 А тотъ совсѣмъ побѣды не хотѣлъ
 Въ бою искать, гдѣ оба—бездыханны...
 Споръ перешель въ ожесточенный крикъ
 „Къ оружію“, и счастье улыбнулось
 На этотъ разъ еиванцамъ—мы щитовъ
 Не бросили, пока кипѣли споры—
 Врагъ мигомъ смять, и ни одинъ данаецъ
 Не устоялъ—убитыхъ горы тамъ,
 Наводнена долина кровью вражьей,

Немногіе успѣли убѣжать.
 Теперь одни трофей Кронида ставятъ—
 Изъ золота Зевесовъ истуканъ,
 Другіе же, сорвавъ доспѣхи вражды,
 Лягуя, ихъ въ Кадмею повлекли.
 И, наконецъ, съ царевной Антигоной
 Послѣдніе, поднявъ на рамена,
 Сюда несутъ трехъ горькихъ мертвецовъ,
 Да примутъ ихъ друзья и здѣсь оплачутъ.
 Таковъ исходъ законченной борьбы,
 Для города счастливый и ужасный.

И С Х О Д Ъ.

Хоръ.

Увы! Увы!

Не слова намъ приносить печаль,
 И Эдиповъ чертогъ
 Черной ризою вкуютъ не рѣчи.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, Антигона и толпа.

(Показывается процессія: впереди идетъ Антигона, съ неполоманъ спущеннымъ съ одного плеча, исрящими глазами и волосами, выбившимися изъ подъ фаты; за ней толпа несетъ три одра съ мертвыми, Этеокла впереди. Когда ихъ ставятъ, то мать помпцаютъ у сыновей въ головы).

Хоръ.

Вотъ они... глядите, глядите...
 Къ очагу родному вернулись!
 Трое ихъ вкусившихъ отъ мрака,
 Крѣпко связанныхъ общей смертью.

Антигона.

Подъ фатою своей дѣвичьей
 Я румяныхъ щекъ не таила,
 Нѣжный локонъ по волѣ развился,—
 И смотрѣли люди, дивились...
 Точно зельемъ какимъ напоила
 Злая смерть вакханку печали,
 Что огнемъ горятъ погребальнымъ
 У вакханки пьяныя очи,
 И съ плеча спустился шафранный

У безумной дѣвичій пеплось...

Что бѣжить, а за нею трупы.

Ты—Полиникъ врагомъ нареченъ не даромъ, не даромъ:
Распря твоя вражду родила и смерти, и смерти,
Домъ Эдиповъ она потопила въ крови,
Въ страшной крови, въ нечестивой крови.

Увы! Увы!

Для стонѣвъ моихъ

Найду ли мелодіи звуки?

Флейту найду ль, или бубенъ?

И кто оплачетъ со мной

Въ чертогахъ, въ чертогахъ

Утѣху Эринній,

Три трупа, три трупа?

Сгубила, богиня, сгубила

И домъ, и Эдипа,

За то, что загадки

Мудреную тайну,

Разумный, рѣшилъ онъ.

Увы мнѣ! Увы мнѣ! Увы мнѣ!

Отецъ, отецъ,

Изъ нашего рода

Кто раньше вельможный—

Иль варваръ, иль элинь—

Отъ золь столь великихъ

Столь явныя бѣды

Подъ солнцемъ извѣдалъ?

Я пойду въ зеленую рощу,

Буду взоромъ бродить, тоскуя,

По дубовой чащѣ да елямъ,

Не найду ли птицы печальной,

У которой птенцовъ отобрали...

Пусть своею трелью со мною,

Своей жалобной трелью плачетъ!..

Пряди волосъ въ тоскѣ

Я себѣ вырвала.

Гдѣ положить мнѣ васъ,

Горемъ вѣнчаные?

Грудь ли кормилицу

Вами закрою я,

Или у братьевъ ихъ

Раны разверстыя?

(Къ чертогу).

Горе мнѣ, горе мнѣ, горе мнѣ!

Покинь, о старый отецъ, чертоги, покинь!

Выйди слѣпой, ко мнѣ, влача свою старость!
 Ты, который, на вѣчную тьму осужденъ,
 Тяжкое бремя горя и лѣтъ несешь,
 Въ этихъ углахъ пустыхъ всѣми покинутый...
 Внемли мнѣ, внемли мнѣ, отецъ!
 Внемли изъ скитаній унылыхъ,
 Съ подушки ль своей,
 Слезами облитой...

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Эдипъ.

Эдипъ.

Зачѣмъ ты, дѣва, призывомъ мнѣ посохъ вручила?
 Зачѣмъ слѣпые шаги
 Изъ мрачныхъ покоевъ
 На свѣтъ вызываешь?
 Отраднѣй слѣпцу тамъ плакать на ложѣ холодномъ,
 И нуженъ ли солнцу сѣдой и колеблемый призракъ,
 Забытая адомъ межъ смертныхъ унылая тѣнь,
 Гость больныхъ сновидѣній?

Антигона.

Отецъ, печальна злая вѣсть моя:
 Ихъ больше нѣтъ, они не видятъ солнца,
 Ни сыновей, ни той ужъ нѣтъ, отецъ,
 Которая тебѣ вручила посохъ,
 Заботами лелѣяла тебя...

Эдипъ.

Увы мнѣ! Увы мнѣ!
 Для новыхъ стenanій година настала:
 Три жизни! Три жизни! Три жизни!
 О, дочь, скажи мнѣ, три свѣточа эти
 Какая судьба дуновеньемъ своимъ погасила?

Антигона.

О, отецъ, отецъ!
 Не корю тебя, не злорадствую.
 Съ болью слово тебѣ
 Мое сердце отдастъ:
 Твой зарѣзалъ ихъ
 Духъ проклятiя:
 И огнемъ палилъ.

И въ бою томилъ—
Твой, и твой, и твой...

Эдипъ.

Горе мнѣ! Горе мнѣ!

Антигона.

Плачешь, старикъ?

Эдипъ.

Дѣти мои...

Антигона.

Ты плачешь и стонешь,
Но если-бъ ты видѣлъ
При свѣтѣ лучей золотой колесницы
Ихъ жалкіе трупы...

Эдипъ.

О, ужасъ проклятій... Дѣтей онъ убилъ моихъ,—
Но мать ихъ несчастную, за что жь ее ровъ убилъ?

Антигона.

Она не таила ни слезъ, ни смятенья,
И ихъ умоляя, она обнажала
Ту грудь, что когда-то обоихъ вскормила...
Но было ужъ поздно... Въ воротахъ Электры
На полѣ цвѣтущемъ предстали ей дѣти
Въ разгарѣ сраженья, какъ львы молодые,
Въ пещерѣ одною вскормленные львицей...
Предъ ней подъ напоромъ мечей они пали;
Упали, и скоро подземнаго бога
Арей возліянемъ ихъ стынущей крови
Почтиль, угощая въ чертогахъ поддонныхъ,
▲ мать изъ сыновней груди вырываетъ
Мечъ молча и падаетъ трупомъ межъ мертвыхъ.
— О, сколько несчастья для нашего дома
Отъ солнцевосхода до солнцезаката!..

Корифей.

Тотъ день скорбей, о, пусть въ грядущемъ онъ
Счастливыми вознаградится днями.

Креонтъ.

Довольно слезъ... Для мертвыхъ гробъ милѣе.
▲ ты, Эдипъ, внемли и повинуйся:

Повойный царь *мнѣ* царство поручилъ,—
 Оиванскій тронъ—приданое невѣстѣ
 Гемоновой и дочери твоей...
 Ты жъ этотъ край немедленно оставишь,

(Движеніе у Эдипа и Антигоны).

Тиресія пророческій глаголь
 Въ тебѣ открылъ источникъ всѣхъ несчастій
 И прожитыхъ и будущихъ, и насъ
 Ты долѣ давить бѣдой не будешь...
 Повѣрь, Эдипъ, мнѣ тяжело обижать
 Тебя, старикъ, и ненависти нѣту
 Въ устахъ моихъ. Но демонъ, демонъ твой
 Пугаетъ насъ, суля Кадмеѣ старой
 Рядъ новыхъ бѣдъ. Смирися и уйди...

Эдипъ.

О, тяжкій рокъ, рожденіемъ несчастнымъ
 Отмѣтилъ ты Эдипа! Аполлонъ,
 Когда еще я не глядѣлъ на солнце,
 Пророчески убійцу осудилъ.
 Едва на свѣтъ явился я, какъ Лайи,
 Родной отецъ, велѣлъ меня убить,
 Врага себѣ провидя въ безсловесномъ...
 И тѣ уста, которыя искали
 Грудь матери—онъ отдастъ звѣрямъ...
 Меня спасли... О, лучше бъ гору эту
 Тогда жерло подземное пожрало!
 Я сталъ отцеубійцей, я мать
 Дѣтей своихъ праматерію сдѣлалъ,
 Чтобъ сыновей, иль братьевъ, наградивъ
 Проклятіемъ, полученнымъ отъ Лая,
 Навѣкъ услатъ въ бездонный адскій мракъ.
 Я—не безумецъ... Этотъ взоръ померкшій
 И сыновья убитые мои—
 Да развѣ жъ могъ устроить это смертный?
 Подумаешь о будущемъ... Слѣпца
 Кто жъ поведетъ?.. Иль мертвая воскреснетъ
 И посохъ бѣдному изгнаннику подастъ?
 Иль сыновья цвѣтушіе?.. О, дѣти!
 А силы нѣтъ въ рукахъ моихъ, Креонтъ,
 Дрожать мои согнутыя колѣни...
 Вѣдь ты убьешь, вѣдь ты убилъ меня!

(Касается его руки, Креонтъ отдергиваетъ ее).

О, не страшись... Молить тебя не буду:
 Подъ бременемъ несчастій я понижь,
 Но не согнуь обнять твои колѣни...
 И кровь царей во мнѣ еще течеть.

Креонтъ.

Колѣни моихъ съ мольбой не обнимая,
 Ты правъ, старикъ: тебѣ бы все равно
 Я не позволилъ въ Фивахъ оставаться. (*Слугамъ*).
 А мертвецовъ не медля раздѣлить:
 Вотъ этого несите въ домъ оплакать,
 Онъ былъ царемъ... А этотъ, Полиникъ,
 Враговъ привелъ громить родныя стѣны,—
 Такъ вонъ его! Ни городъ, ни страна
 Его костей презрѣнныхъ не оплачуть,
 Чужіе псы пускай его ѣдятъ...
 И гражданамъ я нынѣ объявляю:
 Рука съ землей обрядной иль вѣнцомъ
 Да не коснется тѣла Полиника,—
 Виновнаго немедленно казнять... (*Антигонъ*)
 Ты жъ прекрати, царица, причитанья
 Надъ мертвыми и въ теремъ воротись!
 Блестящій бракъ тебѣ его отворить.

Антигона.

О, мой отецъ! Тебя мнѣ больше жаль,
 Чѣмъ нашихъ мертвыхъ. Я ужъ и не знаю,
 Которое изъ тяжкихъ золь твоихъ
 Всѣхъ тяжелѣй... Ты—весь одно несчастье. (*Креонту*)
 Но ты, Креонтъ, нашъ новый властелинъ,
 Ужель тебѣ для перваго указа
 Такъ нуженъ этотъ горемычный прахъ?
 (*указываетъ на тѣло Полиника, отъ котораго не отходитъ до
 конца сцены*).

Креонтъ.

Не я рѣшилъ—то воля Этеокла.

Антигона.

Безумному одинъ слѣпецъ — слуга.

Креонтъ.

Какъ? пренебречь царя священной волей?

Антигона.

Да, если въ ней таится вредъ и зло.

Креонтъ.

И псамъ его измѣнника не бросить?

Антигона.

Законъ боговъ ты этимъ оскорбишь.

Креонтъ.

Онъ былъ нашъ врагъ — врагомъ и остается.

Антигона.

А искупленіе, а смерть его, Креонтъ?

Креонтъ.

Ни гроба нѣтъ ему, ни искупленья.

Антигона.

Но гдѣ жъ вина покойнаго? Искаль
Законнаго мой Полиникъ несчастный.

Креонтъ.

И все-таки не будетъ погребенъ!

Антигона (*показывая свои руки*).

Изъ этихъ рукъ, изъ этихъ рукъ, ты понялъ? —
Онъ погребенъ приметъ, вамъ на зло...

Креонтъ.

Готовъ же и себѣ могилу подлѣ...

Антигона.

Друзьямъ отрадно рядомъ почивать.

Креонтъ.

О, дерзкая! А въ теремъ, на запоръ?

Антигона (*схватываясь за носилки
Полиника*).

Я не отдамъ, я не отдамъ вамъ брата...

Креонтъ.

Опомнись... Повелѣнія боговъ...

Антигона.

Они сказали людямъ: чтите мертвыхъ.

Креонтъ.

Но брeнiя не приметъ Полиникъ...

Антигона.

О, сжался, царь! хоть ради Ювасты.

Креонтъ.

Оставь! Ты этого не вымолишь ничѣмъ.

Антигона.

Омыть его, хоть раны, только раны!

Креонтъ.

Запрещено, тебѣ я говорю...

Антигона.

Перевязать ихъ тоже не позволишь?

Креонтъ.

Ни тѣни почести ему! ты поняла?

Антигона (*цѣлуя Полинника*).

Любимый мой! Устамъ моимъ таѣ сладко
Твой блѣдный прахъ, лаская, цѣловать.

Креонтъ (*удерживая ее*).

Невѣста—ты, и слезы не приличны—
Несчастный бракъ онѣ тебѣ сулятъ.

Антигона.

Иль ты вѣнчать со мною хочешь сына?

Креонтъ.

Конечно, да: вѣдь вы обручены.

Антигона.

Таѣ знай... ему я буду Данаидой.

Креонтъ (*въ ужасѣ отступаетъ*).

Какъ дерзки вы, о, нѣжныя уста...

Антигона (*указывая на окровавленный мечъ, лежащій около Полинника*).

Мечомъ клянусь, и смертию желѣзной!

Креонтъ.

Но почему жъ отъ брака ты бѣжишь?

Антигона.

Съ отцомъ дѣлать хочу его изгнанье.

Креонтъ.

Великодушіе, но дѣтское, прости...

Антигона.

Я даже смерть съ нимъ раздѣлать готова.

Креонтъ.

Такъ уходи жъ, а сына я не дамъ
Тебѣ убить. Оставь не медля Фивы!
(Креонтъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Эдипъ и Антигона.

Эдипъ.

Твоя любовь, желаніе твое
Мнѣ дороги, но... оставайся въ Фивахъ...

Антигона.

И выйди замужъ, да? отецъ, а ты?

Эдипъ.

Полюбимъ мы: ты—мужа, я—страданья.

Антигона.

А кто жъ тебя, слѣпного, сбережетъ?

Эдипъ.

Пойду, пока судьба и ноги носятъ.

Антигона.

Эдипъ, Эдипъ! Гдѣ слава мудреца?

Эдипъ.

Да, мой вѣнецъ плели недолго боги,
И въ мигъ одинъ потомъ онъ облетѣлъ...

Антигона.

Кому жъ дѣлать теперь твои страданья!

Эдипъ.

Подумай, дочь: слѣпецъ и нищета...

Антигона.

О, чистая изгнанья не страшится,
И жертвовать отраднo ей, отецъ.

Эдипъ (*направляясь къ трупамъ*).

Гдѣ мать лежитъ: любимаго лица
Коснуться дай рукой дрожащей старцу

Антигона (*беретъ его руку и приближаетъ ее къ лицу Иокасты*).

Ты щевъ ея касаешься, старикъ

Эдипъ (*припадаетъ къ ней*).

О, мать моя! О, бѣдная подруга!

Антигона.

Испившая всю горечь нашихъ золь...

Эдипъ.

А Этеовль? а Полинивь? О, дѣти!

Антигона (*перемтыца его руки на
сыновей*).

Они лежать передъ тобой отецъ...

Эдипъ.

Моя рука нащупать лицъ не можетъ.

Антигона (*кладетъ его руки на лица
Этеокла и Полиника*).

Дай мнѣ ее... Ты гладишь ихъ теперь.

Эдипъ.

О, милый прахъ, о, дѣти несчастливца!

Антигона.

О, Полинивь! какъ сладокъ этотъ звукъ!

Эдипъ.

Пророчество... Ты, наконецъ, свершилось...

Антигона.

Пророчество... Иль новая бѣда?..

Эдипъ.

Мнѣ Фебъ вѣщалъ, что я умру въ Афинахъ.

Антигона.

И въ Атикѣ намѣтилъ ты приютъ?

Эдипъ.

Въ божественномъ Колонѣ Посейдону
Алтарь и храмъ воздвигли въ старину.
Тамъ я умру. Но если, Антигона,
Въ душѣ твоей желаніе горитъ
Съ изгнанникомъ дѣлить его невзгоды,
Насъ больше здѣсь не держитъ ничего.

(*Антигона прилаживается вести Эдипа*).

Антигона.

Дай руку, отецъ!
Я буду какъ вѣтеръ летучій,
А ты, какъ тяжкій корабль.

Эдипъ.

Ты веди меня, дитятко,
Горемычнаго горемычная

Антигона.

О, если межъ вами,
Подруги мои,
Несчастіе кто Антигоны?..

Эдипъ.

Я дрожащей ногой и тропы не найду,
Дай мнѣ посохъ, дита.

Антигона (*наклоняется и подаетъ
ему посохъ*).

Твоею ногою и вѣтеръ играетъ.
Вотъ такъ, полегоньку!
Потише, потише...

Эдипъ.

О, новый и тягостный мракъ!
О, тьма нищеты и изгнанья!
За что изгоняють?..

Антигона.

За что, злополучный,
Какъ будто не знаешь,
Что гордо на свѣтѣ
Насилье ливуетъ,
А правда убита, а правда убита?

Эдипъ.

Это тотъ человѣкъ, что побѣдой боговъ
Увѣнчался, ихъ тайну похитивъ?..

Антигона.

Зачѣмъ вспоминаешь ты прошлую славу, родимый,
Когда отъ побѣды надъ дѣвой крылатой одно лишь
Наслѣдье тебѣ остается: изгнанье и смерть подъ заборомъ?
А мнѣ сожалѣнья и слезы разлуки,
И послѣ вѣги чертога весь ужасъ свитанья ..

О, боги! пошлите же мнѣ

На счастье Эдипу

И разумъ, и доблесть.

(Идетъ и затѣмъ останавливается).

О, нѣтъ... Неужели

Я брошу его,

И онъ погребенья и ласки послѣдней лишится?

Отецъ мой, отецъ мой,

Уйти я не въ силахъ...

Пока я землю его не засыплю.

Эдипъ (*оставляя ея руку*).

Къ подругамъ вернись.

Антигона.

Имъ слезы мои что скажутъ, отецъ?

Эдипъ.

Иди въ алтарямъ и молись.

Антигона.

Имъ горе мое наскучило, старецъ.

Эдипъ.

А туда, моя дочь,
Въ бѣлоснѣжную высь,
Въ хороводъ Діониса?

Антигона.

Нѣтъ, туда не пойду.
Я носила, отецъ,
Лани пестрой покровъ,
Въ хороводѣ его
Ударяла въ тимпанъ—
И въ изгнанье иду...
Сердца нѣтъ у боговъ.

Эдипъ.

О, сыны моей отчизны... Поглядите на Эдипа!
Разгадалъ онъ тайну дѣвы и не зналъ предѣловъ славы
Въ день, когда плѣненный городъ отъ убійцы онъ избавилъ,—
Въ обезчещенномъ и драхломъ узнаете ль вы Эдипа?
Но зачѣмъ всѣ эти стоны? Много горя въ этомъ мірѣ.
Если такъ рѣшили боги, прахъ ничтожный покоряйся!..
(*Беретъ посохъ и направляется къ выходу; за нимъ медленно идетъ Антигона*).

Хоръ.

Драгоценной короной своей
Вѣнчай поэта, побѣда,
И не разъ, и не два, и не три
Ты увей его бѣлыми кудри!
(*Покидаетъ сцену*).